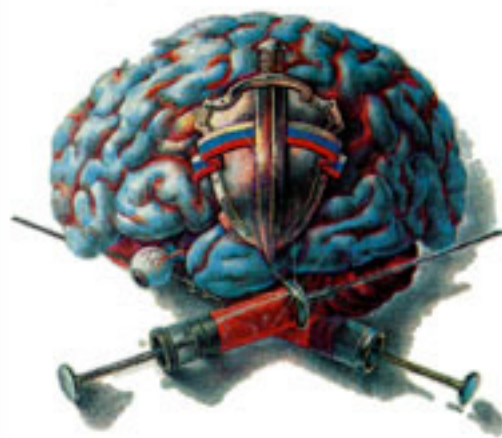

АЛЕКСАНДР ЩЁГОЛЕВ

КРИМИНАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ИНЪЕКЦИЯ СТРАХА

Александр Щёголев

Инъекция страха

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Инъекция страха / А. Г. Щёголев — «Щёголев Александр Геннадьевич»,

Комитет Государственной Безопасности как таковой расформирован. Он распался на множество спецслужб, однако методы «рыцарей» плаща и кинжала остаются все теми же. В новом романе известного петербургского прозаика Александра Щёголева повествуется о сверхсекретном эксперименте над сознанием человека.

© Щёголев А. Г.

© Щёголев Александр Геннадьевич

Содержание

Часть 1	5
1. Ты	5
2. Ты и он	6
3. Он	20
4. Ты и ночь	22
5. Между сном и явью	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Щеголев

Инъекция страха

*Спецслужбам, неиссякаемому источнику вечных сюжетов,
посвящается...*

Благодарности:

*Маме, папе и жене – за то, что не имеют к описанным кошмарам
никакого отношения; за терпение и любовь.*

*Хорошеньким женищинам – за то, что не знают о существовании
автора этой книги.*

Видеомагнитофону – за то, что сломался.

Седуксену и спортзалу – за спокойствие и силу.

Спецслужбам – за вдохновение.

Друзьям – за ложь.

Редакторам – за правду.

Издателям – за все остальное.

Автор

Часть 1

По ту сторону реальности

1. Ты

*Мы с тобой незнакомы – этот факт позволяет мне быть абсолютно, беспощадно
откровенным. Мою откровенность не сможет остановить ни твой плач, ни твой смех, ни
всеобщее равнодушие.*

*Ты – реальный человек, созданный Богом из плоти и крови. Счастлив ли ты? В награду
за тридцать прожитых лет тебе дана семья, работа, квартира, но каждая из чаш твоего
благополучия отравлена мутными кляксами ответственности. Невозможность добиться
большего, чем имеешь, вряд ли делает тебя счастливым. Сознание своей ответственности за
судьбу родных и близких, в сочетании с тотальным прогрессирующим бессилием, удивительно
похоже на пытку. Ты ведь живой человек. Не менее живой, чем, скажем, я. Ощущение бывшего
счастья обычно находит таких, как мы с тобой, лишь в моменты больших или маленьких
катастроф. Подобных моментов в твоей прямолинейной жизни было немного. Тебе повезло,
ты пока не знаешь, насколько был счастлив.*

*Имя же твоё, к примеру, Андрей. Очень удобное имя – половину самцов в наших джун-
глях зовут именно так. Половину – «Андреями», всех прочих – «Сашами». Исключения только
подтверждают правило.*

Итак, тебе повезло...

2. Ты и он

Когда в привычном мирке квартиры возник пистолет, человек не испугался и даже не удивился. Наоборот, ощутил укол интереса. Азартно напряжился. По-мальчишечьи обрадовался – «ого, пистолет!» Гость вытащил этот предмет из бокового кармана куртки, таким небрежным жестом, затем, со значением посмотрев хозяину в глаза, положил стального красавца на телефонную тумбочку. Полированная древесина вздрогнула. Скучный убогий антураж прихожей, дополненный таким вот образом, обрёл вдруг особую эстетическую силу. Хозяин непроизвольно потянулся, впившись взглядом в невиданную игрушку, но гость резко хлопнул по его руке: не трогать! Резко и молча.

Нельзя – значит нельзя. Жаль, конечно. Жаль... – таковы были первые ощущения.

– Раздевайся, – прошептал хозяин. – У меня все спят, тихо.

Только по истечении нескольких мгновений пришло понимание. И сразу стало не по себе. Неуютно как-то стало – в собственной квартире. Любопытный мальчишка вернулся во взрослое состояние. Гость между тем раздевался – всё так же молча, – освобождал свое широкое тело от роскошной пуховой куртки. Той самой, из кармана которой возник... точнее, был вытащен... и демонстративно, между прочим, вытащен... мало того – пугающе-беспричинно...

Предмет, лежащий на тумбочке, уже не притягивал, а отталкивал, словно бы сменив знак магнитной ориентации.

Впрочем, табельное оружие было вытащено вовсе не беспричинно. Причина обнаружилась быстро: владельцу требовалось переложить его в кобуру под пиджак. Слева под мышкой. Он спрятал оружие, как раз когда из гостиной выглянула мать.

Женщина была в халате – догадалась спросонья накинуть. Она встревожено спросила:

– Андрюша, кто пришёл?

– Спи, спи, это Саша.

– Здравствуйте, – впервые подал голос гость.

– А-а, Сашенька... – легко успокоилась она. – У тебя ничего не случилось? – спросила и тут же канула во мрак комнаты. Заскрипел диван. Донеслось сонное бормотание: – Поешьте там, мальчишки... на плите стоит... может, ещё тёплое...

– Пошли на кухню. – Андрей продолжал разговаривать шёпотом. – Тапки надень, простудишься.

Тема простуды была актуальна для него: декабрь, время бронхита. Скачки температуры, озноб, аспирин. Мозговая и мышечная вялость, отвратительный сон. Он очень не вовремя слёг, потому что жена с неделю как уехала к матери в Псков. Не к «матери», конечно, а к теще. Две большие разницы. Термины несопоставимы, по крайней мере, с точки зрения Андрея. Итак, жена уехала (ничего особенного здесь нет, никаких вам скандалов, просто она провинциалка, пусть и с высшим образованием – иногда берёт с собой ребёнка, иногда не берёт, как, например, сейчас, так что...), так что остался Андрей в семье за главного. А в его семье, кроме жены, ещё и дочка. Имя дочери – Алиса. По-домашнему – «лисёнок». Ей пять лет, она регулярно посещает детский сад – под руководством кого-нибудь из взрослых, то есть мамы или папы. Мама уехала, папа заболел. Что делать в этой ситуации? Превратить жизнь в подвиг?

Подобные нехитрые размышления скрасили путь из прихожей на кухню. Всего несколько шаркающих шагов. Три секунды, а сколько мыслей.

– Что-то случилось? – повторил Андрей вопрос своей мамы, оборачиваясь. Но гость опять молчал. В руках его, оказывается, была бутылка: 0,7 литра. Не с водкой, а почему-то с вином, с погаными чернилами марки «Молдавский розовый». Выпитая наполовину. «Молдавский розовый» – очевидно, чтобы потом легче блевалось. Откуда она взялась? Андрей не заметил, он ведь шёл впереди, гость сзади. («Подставил спину, – неожиданно передёрнуло хозяина

квартиры, – Надо было его вперёд пустить...») Бутылка, вероятно, лежала во втором кармане пуховой куртки, не в том, где был пистолет. Или пряталась под курткой, в кармане пиджака? Хотя, какая разница?

Сели за стол.

– Как дела? – поинтересовался, наконец, Саша. От него пахло. Он был, выражаясь культурно, не вполне трезв. Мало того, рождённый гостем вопрос не содержал в себе ни одной приветливой ноты – Андрей ощутил это очень отчётливо. Его ощущения вообще стремительно обострялись – с каждым новым мгновением. Гость несильно, спортивно рыгнул, среагировав на собственную фразу, тогда пахло куда крепче, – этакий доверительный дружеский выхлоп.

– Как дела, спрашиваю?

– Да ну... – скис Андрей. – Хреннее некуда.

Была зима. Почти час ночи. Квартира спала – мать в большой комнате, дочь – в спальне. Светился телевизор, расцветивая кухню движущимися красками. Плясали тощие жёлто-синие ягодицы на фоне гигантского багрового рта. Приглушенное звуковое сопровождение не отставало, развлекая публику эстрадными номерами в жанре симфо-панка. Но в целом и общем – да, было «хреннее некуда». Исключительно по-русски. Только так и следует отвечать, если не хочешь дразнить соседей и бесов. Пусть там американцы на провокационные вопросы типа «Как дела?» стандартно врут, что всё о'кей, и старательно держат на лицах предписанные Конституцией улыбки. Им можно, ибо Бог – с ними. А у нас своё враньё, свои стандарты.

– Всем хреннее некуда, – кивнул приятель. Возразил или согласился, непонятно. Он улыбнулся – широко, по-американски, – но как-то не в ритм, не в такт.

– Да ну... – сказал Андрей. – Болею.

– Опять?

– Как пить бросил, так не выползаю, кошмар какой-то, бронхит за бронхитом. Год назад не долечился...

– Больничный дали?

– Дали.

– Ну и всё. Ерунда.

– Что ерунда?

– Поправишься.

Больной, разумеется, возмутился:

– Ничего себе ерунда! Три раза за ночь переодевался, потел, как в парилке. А потом колотило всего. Башка совсем не работает из-за интоксикации, делать ничего не могу...

Приятель Саша тем временем озирался. Очевидно, в поисках стакана. Он гладил обеими руками бутылку, которую держал зажатой между коленями – это выглядело несколько двусмысленно, если вдуматься. Похоже, гостя не очень интересовали подробности чужих страданий, но Андрей всё-таки завершил свои жалобы, влекомый силами инерции:

– ...По утрам вообще рвёт, когда мокрота отходит. Вот так и болею.

– Мокрота – это щелочная слизь, – равнодушно сообщил Саша. – Закисляться надо, вот, укусить. – Он показал на «Молдавский розовый» между своих ног. – Будешь, кстати, или нет?

– Мне сейчас нельзя.

– Тогда ладно... – Он поднял бутылку, словно фужер, церемонно чокнулся с графином, заполненным питьевой кипячёной водой, и произнёс тост, глядя Андрею в глаза: – Чтоб мы были живы.

Хозяина вторично передёрнуло, потому что на этот раз жизнеутверждающая шутка не сопровождалась улыбкой. Или Саша говорил серьёзно? И глаза у него оказались пустыми, стеклянными...

С жизнью, кстати, в последнее время действительно трудновато стало. Впрочем, год назад её вообще не было. Год назад – до того, как родители отсюда съехали, отдав квартиру молодым. Отличная квартира – в старом фонде, с коридором, с большой кухней, с высокими потолками. А теперь, когда радоваться бы, когда и к жидкому кайфу больше не тянет – пришли болезни. Тоска, безысходность. Жена вот уехала, а ребёнок остался. Что было делать? Выход настолько очевиден, что задаваться подобным вопросом смешно. Да конечно позвать бабушку! Вторую маму – маму для папы. Достаточно набрать телефонный номер, и помощь примчится, на метро, на трамвае, если потребуется, то и пешком. Не просто помощь, а Помощь. Волна вкатит в дверь, наполнит квартиру до краёв, сомнёт-закрутит всех обитателей – деятельная, неугомонная, напористая стихия, – и свобода воли будет унесена прочь. Долго этого не выдержать, но долго не надо. Неделя уже кончается, Зоя обещала вернуться не позже...

– Что, совсем не пьёшь? – вернул его Саша на кухню.

Бутылка уже стояла на столе, растолкав тарелки. Розового пойла осталось на четверть – после одного профессионального глотка.

Но поразительно: такая короткая была пауза, и опять столько мыслей! Нет, не мысли это. Навязчивые образы это, горячечные сны, наколдованные маленькими злыми стрептококками. «Интересно, нормальная у меня температура или нет?» – нашёл новую мысль болеющий мозг.

Вслух же Андрей продолжил развлекать гостя светской беседой:

– Подшился я, Саша. Нельзя мне пить.

– Круто, – посочувствовал приятель. – В прошлый раз, помню, ты тоже вроде как бросил, но стаканчик со мной раздавил.

В прошлый раз... Он заявлялся месяц назад, когда бронхит был в острой форме, когда антибиотики ещё не задавили болезнь, вследствие чего хозяин квартиры не думал и носа на улицу высунуть. Похоже, такие мелочи в голове Александра не задерживались. Лишь «стаканчики» он помнил крепко, что да, то да.

– Таблетками не пробовал обойтись? Или кодироваться? Хотя, кодироваться нам с тобой, Андрюха, как страусам крылья подрезать.

Андрей засмеялся, довольный.

– Ага, купился! Думаешь, «эспераль»? – После чего приподнял рубашку вместе с футболкой и показал два аккуратных шовика на животе – слева и справа. Точнее, в левой и правой подвздошной областях.

– Не «эспераль»? Какие там ещё средства есть...

– Плацента, – хвастливо сообщил он. – Знаешь такое?

Саша сочно выхлопнул, не пытаясь сдержаться. Портвейн в его желудке активно разлагался.

– Чего тут знать? Плацента растёт у беременных баб в матке. Чтобы плод тоже рос большим и здоровым, правильно?

Он был из семьи врачей, мало того – сам бывший врач, то есть терминологией владел. И вообще, друг Саша многим владел в силу специфики своей работы. Не «работы» даже, а – службы.

– Ну да, эту штуку из рожениц вынимают, после того, как они родят.

– Плод... – повторил гость со вкусом Слушай, хлебушка-то хоть дашь?

– Прости. В хлебнице бери, сколько хочешь. Вот – масло есть, сыр...

– Роженица, которая родила, к твоему сведению, называется родильницей. На кой хрен тебе плацента?

– Метод такой есть. Чтобы организм сам боролся с болезнью. А то у меня бронхит скоро хроническим станет. Участковая врачиха посоветовала, адрес филиала дала...

У Андрея, к слову сказать, хороший участковый врач, ему повезло.

– Филиал чего? – хмуро любопытствовал Саша. Было очевидно, что новая тема его тоже несколько не волнует. Он о чём-то думал, пусто глядя другу детства в глаза. О чём-то своём.

– Института экспериментальной биологии и патологии имени Богомольца. Богомолец – это академик был. Институт, правда, в Киеве, а здесь от него такой «Центр биогенного стимулирования» организовали. Между прочим, этот метод сам Богомолец начал разрабатывать, ещё в пятидесятых годах.

– Народ с ума сходит, – коротко усмехнулся приятель. – Тебе что, прямо куски мяса подшили? Человечину?

Больной начал неловко оправдываться, будто был в чём-то виноват: мол, у них придуманы специальные капсулы, вроде тех, что с «эспералью». Мол, не мясо там, а препарат их собственный, на основе плаценты, чтобы лучше всасывалось. Ему ведь в Центре всё подробно объяснили, когда он на операцию записывался! Иммунитет сильно повышает, замедляет старение. Потенцию, кстати, тоже повышает. Новейшая научная разработка, и нечего тут ржать...

– Я разве ржу? – зевнул Саша. – Лечись, Андрюха. Пить-то почему нельзя?

– Сказали, следует избегать спиртного, иначе всё без толку.

– Ну-ну. Заграница-хохляндия нам поможет. Был я недавно в Киеве, контору одну с ребятами «бомбили». Местное начальство своими силами справиться не могло, не доверяло никому, позвало русских хлопцев на помощь. Весёлый город, только вонючий ужасно.

– Ты мне рассказывал про Киев, я помню.

– Помнишь – это хорошо, – с неожиданной силой проговорил Александр. И распрямил спину. Расправил плечи. Широкие у него были плечи, под стать кулакам. – Вообще, х-х-ха-а-роший ты парень, Андрюха, – добавил он со странной интонацией, уткнувшись тяжёлым взглядом в незащищённое лицо перед собой.

– Мы же твоё «майорство» тогда обмывали, забыл? – заторопился ответить Андрей, потому что вдруг испугался. – Сам приходил ко мне, как вернулся из Киева!

Он испугался той ненависти, что зажгла голос ночного гостя. Короткого предательского импульса. Искры, пробившей смоченную алкоголем изоляцию.

Он, наконец, испугался...

– Да, я под это дело «майора» получил, – погасил искру собеседник и расслабился на хлипкой кухонной табуретке. – Прости, Андрюха, настроение паршивое...

– Неприятности? – тихо спросил хозяин, постаравшись быть искренним, сочувствующим. На всякий случай, вероятно. Они ведь друзья с Александром, друзья!

Андрей, разумеется, не знал, какие «неприятности». Просто Саша, когда бы ни пришёл, неизменно и однообразно проклинал свою работу-службу, намекая на большие и малые гадо-сти, из которых сложена тернистая чекистская дорога.

Гость опять поднял тяжёлый взгляд.

– Выключи телефон, – трезвым голосом попросил он.

– Как это?

– Выдерни из розетки.

– Ничего себе! – Андрей жалко улыбнулся, не понимая, что думать и что делать. Это шутка? Придуривается, гад, пугает? Однако пришлось встать, шагнуть к холодильнику, на котором стоял телефон, и выполнить просьбу.

Почему, собственно, пришлось? Чего он испугался, почему не расхохотался в стеклянные глазки пьяного шутника? Ответ на этот вопрос затерялся где-то в сплетении нейронов, и оттого был лёгкий стыд. Человек ждал, застряв возле холодильника дольше необходимого. Саша, прежде чем подняться в гости, предварительно позвонил с улицы, минут пятнадцать назад. Андрей сидел на кухне, смотрел телевизор. Не удивился звонку, равно как и желанию друга детства навестить его. Это было в Шашином стиле – бесцеремонность, напор, показное

жлобство. Саша не в первый раз заявлялся так поздно, когда «проходил мимо», когда решал дать себе передышку в таинственных ночных делах. Почему Андрей не отшил незваного гостя – сразу, еще по телефону? Понятно, что бронхит или недовольство жены не было для этого хама убедительной причиной отказа, но мало ли других причин – эпидемия чесотки, внезапно обнаруженный сифилис... Он ждал, тщательно укладывая телефонный провод. Потом сел обратно, продолжая ждать. Неужели Александр боялся, что разговор подслушают? При опущенной на рычаг трубке? Ну, кино...

Однако ничем особенным встреча не продолжилась.

– Слушай, я же тебе чего-то рассказать хотел, – пошевелился Саша. – О чём-то мы смешном разговаривали... – Он начал почёсывать щетину. – А-а, насчёт Александра Александровича!

– Какого Александра Александровича?

– Ну, насчёт академика вашего, Богомольца. Тёзки. Не знаешь своего гуру по имени-отчеству? Он Сталина от старости лечил, жизнь вождю якобы продлевал. Придворным геронтологом был, как Джуна у Брежнева. А когда академик умер, Сталин сказал про него: обманул, гад! Такой, значит, новейший научный метод получается...

– Нет, в этом филиале без обмана, – возразил Андрей. – Солидная фирма.

Возразил вслух, но мысленно вздохнул. Буквально на следующий день после визита в Центр биогенного стимулирования его притихший, казалось бы, бронхит вновь обострился. И пришлось обращаться к маме за помощью, и в который раз пришлось звать участковую врачиху, чтобы больничный продлила. Вера в возможность чуда не померкла, нет! Ясно же, что дорога была длинной и сложной, путник потел и остывал, снова потел и снова остывал – и всё на морозе, на морозе, – короче, честно простудился. Случайность, конечно. Невезуха. Судьба...

– Лечись, Андрюха, – повторил Саша уже звучавшее пожелание, взболтал содержимое бутылки и махом допил.

Ему было плевать. Что естественно – здоровый больного никогда не поймёт. Здоровым, бесцеремонным, напористым – им всем плевать на таких, на безвредных и маленьких, сколько бы вы ни пили вместе. И жена... Несвоевременная обида кольнула в сердце. Умотала в свой кукольный театр, нашла время! Ей бы только раздражаться по пустякам, причём, на мужа, на кого же ещё, а перед бессчётными подружками интеллигентку из себя строить. Пожалуй, единственным человеком, кому небезразлично самочувствие Андрея (кроме родной матери, самой собой) была участковая врачиха. Добрая, полная, почти как мама. Уже не юная, но молодящаяся. Она ему чуть-чуть нравилась – в качестве женщины, – что совершенно неважно. Важна была её забота и участие. Она-то действительно хотела поставить больного на ноги. Про иммунологический Центр посоветовала – эффективно, мол, и не дорого, как раз для вашего кармана, господин преподаватель. Даже позвонила, если не наврала, куда-то туда, чтобы к клиенту отнеслись с душой... Точно – оказалось, по ценам вполне приемлемо. Мало того, браслет-корректор она же устроила...

Человек посмотрел на своё левое запястье. Это неслучайно, что браслет был на левом. Так положено, так предписал инструктор. Правое – зона печени, почек, а левое, оказывается, – лёгких. Показать, что ли, похвастаться?

– Чего губами шевелишь? – вонзился в чужие мысли Саша. – Молишься?

Андрей стыдливо спрятал браслет под манжетой рубашки. Не поймёт, майор, не оценит. Жлоб в штатском. Опять острить начнёт по поводу всеобщего помешательства. Зачем лишний раз идиотом выглядеть?

– Откуда ты про академика Богомольца знаешь? – сказал Андрей, чтобы не молчать. – Я не думал, что ты вообще про него слышал.

– Ну, известнейшая была личность. Мне папаша рассказывал, он у меня из старых врачей, информирован покруче моей конторы. Когда этот главный геронтолог страны умер, папаша тоже хохотал, как и Сталин. Правда, молча, заперевшись на ключ.

Саше надоело мусолить пальцами пустую бутылку.

– Возьми, – протянул он мутную стеклотару.

Андрей машинально взял.

– Зачем?

– Смой этикетку и брось в туалет. Стекляшку тоже вымой, можно без мыла.

Хозяин встал. Сразу сел, словно забыв, как ходят – от растерянности. Хотя насчёт бутылки – это ведь был приказ. Никаких сомнений. Значит, надо спешить в ванную. Или можно здесь, на кухне, под краном? Зачем! Что, вообще, происходит? Холодная змейка страха вновь поползла по телу, превращаясь по пути в огромного струящегося удава. Удав сдавил кольцами голову... Чего же всё-таки испугался Андрей – только ли пьяного придурка? Хорош придурок – с пистолетом под мышкой! Или он ощутил что-то огромное и невидимое, что вошло в его дом вместе с нетрезвым гостем?

Было приказано мыть посуду, однако человек рискнул в очередной раз озвучить пошлый, безответный вопрос:

– Что случилось, Саша?

– Не, ничего. А что случилось? – Офицер с наслаждением отрыгнул.

– Ну, как же... С пистолетом бродишь по городу.

– О, кстати, напомнил! – Он утёрся и полез обеими руками к себе под пиджак. Было похоже на обезьяну, которая ищет на животе блоху. Пиджак растопырился, стала видна аккумуляторная кобура – ремешёчки, застёжечки. – Смотри, какое у меня удостоверение есть. – Он вытащил на свет вороненую игрушку. – Удостоверение номер два. Первое, которое с красной корочкой, у начальника в сейфе. А это – всегда со мной...

Пистолет в руках Саши держался достойно. Оружие, оно ведь как лошадь, покоряется только Уверенности и Точности. Андрей смотрел, застыв. Тысячелетние инстинкты настоящего мужчины боролись в нём с пугливым разумом, первобытное любопытство – со здравым смыслом, глупость – с трусостью. Любопытство и глупость победили:

– Можно потрогать?

– Подожди, – совсем не зло отозвался гость. – Сейчас...

Он был серьёзен и сосредоточен. Направив дуло в пол, он осторожно сдвинул затвор, и в ладонь его с сухим щелчком выскочил чистенький кругленький патрончик.

– Вот так, – откомментировал друг Александр свои действия. – Чтоб мы с тобой были живы. – Он взял двумя пальцами извлечённую из пистолета штучку и чокнулся с бутылкой, которая подрагивала в руках Андрея. Вероятно, это был новый тост – в продолжение старого. – А пузырь всё-таки вымой, Андрюха. И не забудь этикетку в сортир спустить.

Исполнить поручение удобнее всего было в ванной. Прочь из кухни! Горячая струя, подавленная смесителем, успокоила руки, но ничем не могла помочь голове. Разум, вновь обретший самостоятельность, будто ошпарило – куда сильнее, чем ошпарила бы неосторожно пущенная вода. Патрон был в стволе! Александр только что разрядил оружие – не скрываясь! Он носил такой пистолет в наружном кармане куртки, бродя по улицам города, он звонился в дверь этой квартиры, держа такой пистолет под рукой. Готов был стрелять?

Размокшая бумажка быстро сползла с бутылки в раковину, дело сделано. Вибрировал загнутый клюв смесителя, сдерживая нетерпеливую воду. Вибрировали нервы, накрутившиеся на стремительно выросшее «зачем». Оказывается, Андрей ни на секунду не забывал о пистолете, вымучивая реплики в бессмысленной светской трепотне. Так, может, Александр оттого и показал ему своё «удостоверение» – едва появился! – чтобы этих неповторимых секунд было побольше? «Зачем, зачем, зачем...» Красно-синие глаза кранов услужливо смотрели снизу

вверх. Человек выключил воду. Теперь – два шага до туалета, и – обратно на кухню. Дело сделано. «Зачем я открыл входную дверь?» – вибрировали нервы.

Была надежда, если честно. Оружие, наверное, разряжено и уже убрано – за ненадобностью. Убрано – значит, его как бы нет, оно как бы во встрече не участвует.

Однако пистолет размещался на столе, среди грязных тарелок и сырных корок. Рядом лежал магазин, предусмотрительно вытасненный из рукоятки.

– Что с тобой? – спросил Саша, жуя. Очевидно, с лицом вошедшего что-то случилось, если даже твердокожий майор посочувствовал! Или это было не сочувствие, а злорадство?

– Болею.

– А невеста все болеет... Полечиться не хочешь, не передумал? Заодно и мне нальешь.

Андрей сунул стекло в мусорное ведро под раковиной, избегая поворачиваться к товарищу спиной. Затем возразил, осторожно подбирая слова, как при общении с душевнобольным:

– У меня в доме нет спиртного, я же объяснял.

– На, возьми. – Саша протянул пистолет. – Кто-то, кажется, хотел его поддержать?

Небрежный такой жест, обыденный. Другая рука дающего была занята куском хлеба с маслом, никакой вам торжественности момента. Человек взял предложенную вещь, хотя ни любопытства, ни глупости в нем уже не осталось – попрытались, вспугнутые выскочившим из затвора патроном.

«Макаров». Похож на игрушечный, только Настоящий. Черная сталь, никогда не стареющий «прямоугольный» дизайн, коричневая эбонитовая рукоятка с вытесненной звездой. Звезда – это пентаграмма, магический охранный символ. Интересно, с какими тайными наговорами рисовали создатели пистолета пентаграмму на рабочих чертежах? Поразительная мудрость и дальновидность, именно в союзе оккультного и точного кроется истинное возрождение древних традиций оружейного дела.

Настоящий «Макаров» оказался тяжел, холоден и неудобен. Он был чужим, вожаемым для многих предмет. Андрею почему-то не хотелось сжимать рукоятку в кулаке, казалось противоестественным просовывать свой неловкий палец в спусковую скобу. Он просто держал это на ладони.

Саша ухмылялся. Ухмылялся и цепко перебрасывал из одной руки в другую снаряженный магазин. Даже хлеб отложил ради этого занятия.

– Хорошая штука, – с усилием подтвердил Андрей. – Если честно, никогда раньше живьем не видел... – сказал и решительно вернул пистолет владельцу. – Спасибо.

– «А невеста курит только свои», – прокомментировал тот – Что, не понравился мой «дырокол»?

– Почему, понравился...

– Ты ему тоже понравился, – пошутил Александр, принимая оружие. Опять шутка у него получилась неудачной, двусмысленной какой-то. Он посмотрел на друга детства выпуклыми, остановившимися, ничего не выражающими глазами – глазами подвыпившего человека, – прекратив при этом всякое движение. Плохо посмотрел – как бы сквозь. Всего несколько мгновений. И вдруг встряхнулся, снова задвигался, развернулся на табуретке к Андрею спиной, лицом к телевизору, а тот все ждал, тоскливо надеясь неизвестно на что, ждал, ждал, ждал... Но Саша не убрал пистолет. Положил к себе на колени. «Зачем?!»

– Что за рвота, – пробормотал гость, имея в виду телевизор. В эфире до сих пор пели и плясали. – Как ты такое глотаешь?

– Если хочешь, переключу...

– Не надо, я же не больной. У нас другие лекарства, мы плаценту в брюхо не засовываем. Ты бы, это, поставил чего-нибудь... ну, чего-нибудь такое, веселенькое.

– Видеоманитофон в комнате, – фальшиво возразил Андрей.

– Он что, тяжелый?

– Там дочка спит. Слушай, Саша, но у меня ничего нового нет, мне сейчас не до кассет. Валяются, которые ты раньше видел, и все.

– Плевать. Давай скорее, времени мало. Пошли, помогу, а то вспотеешь.

Его интересовала порнуха, ничего, кроме порнухи. Таковы были вкусы этого человека – в искусстве вообще и в киноискусстве в частности. Иногда Андрей подозревал, и к тому были основания, что он заявлялся сюда только для того, чтобы посмотреть видеомагнитофон. Потому что здесь исправно удовлетворяли его скромные культурные запросы, которые, кстати, во многом совпадали с запросами хозяина квартиры. Небольшое отличие состояло в том, что Андрей признавал и другую тематику. Присказка «Фильм не порнографический, но очень хороший» звучала в этом доме часто. Жаль, жена Зоя не разделяла вкусы мужа в полном объеме, поэтому приходилось соблюдать правила конспирации, если хотелось подзарядиться чем-нибудь «веселеньким»... Саша тяжело встал, скрежетнул ножками табурета.

– Подожди, я сам, – отчаянно распорядился Андрей, вскакивая следом. – Посиди тут, я быстро.

Гость не послушался. Он был широк и спортивен, хоть и грузноват внешне. Хозяину тоже было когда-то не стыдно за себя перед молоденькими девушками – до Политеха, до женитьбы, до водки и болезней, – когда-то очень давно. «Зачем? – метались в коридорчике остатки растраченной силы. – Зачем он идет за мной?» Пистолет, очевидно, так и болтался в руке Саши, а вот куда подевалась обойма? Путник, бредущий первым, этого не знал. «Где обойма? – сжимались и разжимались спятившие мышцы. – Почему он, придурок, не спрячет пистолет обратно в кобуру?» Путника пошатывало. Не от слабости, а наоборот, от избытка совершаемых телодвижений, мешающих ходьбе. «Что же делать?» Воображение пыталось помочь здравому смыслу, торопливо выдавая собственные варианты дальнейшего развития событий: тот, который сзади, пьяно скалясь, поднимает пистолет... нет, не может быть!.. стреляет в затылок тому, кто впереди, затем шагает, переступив через упавшее тело, в комнату к ребенку, снова поднимает пистолет, пьяно скалясь... не может быть!!!

Это состояние длилось лишь мгновение – гораздо меньше секунды. Для первого раза достаточно, если хочешь сохранить рассудок. Накатило и ушло. Никогда раньше Андрей не испытывал чего-либо подобного, поэтому не успел понять, что же с ним было. В узком коридорчике стояли вечные сумерки, но, когда выскочили в прихожую, на свет (всего три шага!), его ощущения если и не вернулись к прежним, то уже поддавались, по крайней мере, описанию. Сердцебиение. Озноб. Трясучка в груди и в ногах, звон в ушах...

Нужная комната была ближней от кухни, дальней от двери. Горела настольная лампа – вместо ночника, потому что дочка без света не засыпала. Телевизор стоял на тумбочке, Андрей по случаю своей болезни перенес его из гостиной (где сейчас спала мать). Семья располагала двумя телевизорами, это ведь предмет первой необходимости. Один – в кухне, а другой – в комнате. Видик размещался на полочке в той же тумбочке – под телевизором, не видик, собственно, а плеер, дешевка.

– Бери, – повернулся Андрей к Саше, суетливо обыскивая глазами темную фигуру: спрятал, не спрятал? Пистолета в его руке не было. Все-таки убрал, придурок... – Неси пока. – Он указал пальцем на полочку с плеером. – Вот. Подожди, шнуры только отсоединю...

А сам решил пока ссадить дочку, разу уж пришел сюда. Откинул ватное одеяло, сел на кровать, вытащил из-под ног горшок, бережно собрал руками разметавшееся по пеленке теплое тельце. Зашептал: «Тихо, кошечка, тихо, ласточка, только попишем, и будем спать дальше...» Ссадить ночью ребенка – была его обязанность. Это требовалось сделать всего один раз, где-нибудь с часу до двух, дальше Алиса спала до утра, не просыпаясь и не пачкая постель. Шесть лет человечку. Раньше, год назад, ее ссаживали не менее трех раз за ночь, причем, нужно

было не упустить момент, угадать, когда ей захочется «поплавать». А еще раньше... Лучше не вспоминать об этом кошмаре.

Саша стоял, ничего не предпринимая. Пистолета в его руке уже не было, но... Что ему нужно? Смотрел. Или наблюдал. Или собирался с духом?.. Вибрация выползла из груди молодого папы и заполнила комнату. Звон в ушах вырос до неба. Картинка из объемной превратилась в плоскую, краски, ее составляющие, напозли одна на другую, стали острыми, неестественными. Что предпринять? Воображение давало возможность ясно разглядеть дальнейшее: гость деловито вытаскивает пистолет из кобуры, распрямляет руку, целясь... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!

Вернулось состояние, в которое Андрей окунулся минуту назад, преодолевая коридорчик между кухней и прихожей. Вновь это длилось лишь мгновение, но теперь гораздо резче, выраженнее. Гораздо страшнее.

– Ты чего? – кто-то хрипло спросил. Голосом Андрея. Словами, выдавившимися из его стиснутого рта.

Саша ответил сразу:

– А вот у меня до сих пор нет детей. Не с этой же блядью их заводить... – отвернулся, присел на корточки и полез в тумбочку, за видеоплеером.

Он вытащил аппарат и побрел прочь.

Плоская картинка осталась без него...

– Дич-ки! – пробормотала Алиса, раздраженно пошевелившись в объятиях папы. Схватившись, тот разжал хватку. Неужели думал, что чем крепче держишь ребенка, тем в большей он безопасности? Оказывается, девочка давно пописала – умница, лапушка – а папа и не заметил. Ее сонная фраза означала «Водички», подобные стандартные требования расшифровывались легко. Во сне к Алисе возвращалась болезнь, хотя наяву она уже перестала ошибаться в столь простых буквосочетаниях – спасибо доценту-логопеду... «Сейчас, лисенок, – заторопился Андрей. – Идем в постельку, умница моя...» Девочка спала. Трогательно сопела носом. «Дич-ка» ей, очевидно, приснилась, поэтому отец поставил горшок вниз, после чего вернул ребенка на место.

Встал, медленно приходя в себя.

Кассета, которая понадобилась Саше, лежала отнюдь не в общей куче на подоконнике, а в бельевом шкафу. Иначе многочисленные приятельницы, приходившие к жене в гости, могли случайно схватить. Получился бы конфуз. Андрею было плевать, но жене – нет. Собственно, таких кассет было всего три – он раскрыл дверцу и вытащил из-под пачки глаженных простыней первую попавшуюся.

Долгим взглядом посмотрел на дочь, словно прощаясь.

Выключил свет и побрел, передав управление автопилоту.

Гость на кухне чувствовал себя свободно – соединял шнурами плеер и телевизор. Все просто, дело-то нехитрое. Хозяин сел, дав отдых потрудившимся ногам, а гость продолжал обслуживать себя сам – включил аппаратуру в двойную электрическую розетку, молча взял принесенную кассету, толкнул ее в гнездо – и так далее, до логического конца. Логическим концом было появление на экране заставки с тремя крестами. Крутая, значит, кассета, как и заказывали.

А пистолет лежал на столе. На том же месте и, кажется, в том же положении. Оказывается, Саша не брал его с собой – вот смеху-то. Или брал? Снова выложил? Под мышкой гаду натирает, что ли...

– У меня настроено на сорок третьем канале, – запоздало сообщил Андрей.

«Гад» пожал плечами, он и без советчиков разобрался.

Миновала минута молчания, лишь развязная немецкая речь пробивалась сквозь шипящий фон. Кино пошло.

– А-а, помню эти короткометражки, – сказал зритель непонятно кому. – Люблю, кстати, короткометражки, чтобы перевод был не нужен... – Он ослабил галстук, потянулся и закинул руки за голову.

Второй зритель – тот, который не интересовался происходящим на экране, – не услышал эту безадресную реплику. Его потихоньку раскачивало, пока еще мелко и нечасто, но сдержаться было невозможно. Он больше не мог – ТАК. Зачем Саша пришел?

– Убери, а то замусорится, – голос еле слушался, потому что колебался вместе с телом.

– Что? – развернулся Саша.

Андрей кивком указал на стол:

– Тут крошки валяются, а ты просто так его бросил. Испортится ведь.

– Ты о чем?

Друг-офицер якобы не понял. Но по его раскрасневшейся харе ясно читалось – все-все понимает. От чего раскраснелась его харя – от вина, от тепла, от любимых короткометражек? Может, от предвкушения чего-то особенного, что предстоит испытать ему в этой квартире?

– Убери пистолет, – жалко попросил Андрей, – ну чего ты, в самом деле...

Тогда Саша резко привстал и нажал на «паузу». Изображение замерло, экран разрезало дрожащей полосой. Изящная женская рука остановилась на пути к чьей-то ширинке.

– Покажи-ка мне язык.

– Чего? – удивился Андрей, даже колебательные движения своего корпуса прервал от неожиданности.

– Ну, язычок высуни наружу.

– Зачем?

Саша молчал, ничего не объясняя. Он шумно дышал: распространял в замкнутом объеме здоровые алкогольные ароматы. У него был тренированный желудок настоящего офицера, которому нипочем адская смесь спирта и портвейна. Хорошо хоть не курил – вообще не курил, не имел такой привычки, ибо это было вредно для здоровья. Он дышал и неподвижно смотрел – все тем же странным пустым взглядом. Станным и страшным... Он ждал. Андрей, остро чувствуя нелепость ситуации, приоткрыл рот.

– Где язычок-то? Покажи, не стесняйся.

Андрей покорно перестал стесняться.

– Во! Другое дело. Надо же, какой он у тебя...

– Что, белым налетом обложен?

– Нет, я думал, у тебя длинный, а он вроде бы нормальный. Смешно.

Вернулось каменное молчание. И взгляд, этот страшный взгляд... Почему Саша так смотрит? Хотелось убежать и спрятаться, в туалет, в ванную, куда угодно, хотелось немедленно что-нибудь сделать. Беспомощное желание «что-нибудь сделать» расплзлось по всему телу дрожащими сгустками, как свалявшиеся комки ваты в старом матрасе. Потому что пришло понимание. «У него глаза убийцы», – понял Андрей. Вот что означает пустота. Пустота – от скуки и привычки. От привычки...

– Почему ты на меня так смотришь? – вырвалось случайно.

Саша сморгнул, дернул щекой. И что-то человеческое проступило в камне.

– Прости, Андрюха, – потер собеседник виски. – Устал я от всего этого.

Отвернувшись, встал, снял кассету с «паузы», сел. Вновь его интересовал только разогревающий мужскую кровь видеоряд. Юные героини экрана, хохоча и дурачась, измеряли портновским метром чьи-то внушающие уважение гениталии... «От всего этого», – мысленно повторил Андрей. Сильная была фраза. От чего Саша устал – от того, что совершил, или от того, что еще предстоит ему совершить? «У тебя слишком длинный язык» – классическое предисловие, как в кино. Приговор... Что за червь прогрыз заспиртованные мозги этого параноика, что за идея-фикс свела его с ума? Неужели он явился... трудно такое выговаривается...

За что? Неужели он хочет...

Без сомнения – хочет. «Глаза убийцы». Заставил вымыть бутылку, чтобы отпечатков пальцев после себя не оставить, явился в гости с пистолетом, который чуть ли не на боевом взводе был. Ожидал засаду? Но сразу не выстрелил, решил разобраться. Решил продлить удовольствие... «Макаров» все так же чернел на белой клеенке – рядом с мясистой рукой владельца. Убирать этот предмет явно никто не собирался. Дело оставалось за малым. Вставить магазин на место, снять курок с предохранителя, передернуть затвор... Нет!

Не может быть!!!

«Не может быть!!!» – вновь ударила в голову спасительная, единственно верная мысль. Именно так, с тремя восклицательными знаками. Догадка, ужасающая своей вещественностью и одновременно дающая надежду. СОСТОЯНИЕ обрушилось на Андрея так же внезапно, как в коридоре или в спальне, однако не ограничилось теперь одним коротким импульсом, и мысль эта – «не может быть» – стала ключом к открывшейся двери. «Я сплю или нет?» – попытался понять он. Мир, ограниченный тесной кухней, был ненастоящим, зыбким, придуманным. Убийца смотрел порноклипы, оружие лежало рядом на столе – нет же, все это было вылеплено, нарисовано. Месиво розовых тел по телевизору – не всерьез, неотчетливо, неправильно! Стоны актеров, старательно изображающих оргазм – слишком уж далеко, не синхронно... Контуры предметов теряли определенность, еле заметно менялись, как бы плавали, а цвета стали расплывчаты и неестественны. Звуки целиком состояли из шорохов и странных скрипов – чужие, посторонние звуки. «Сон или не сон?» – мучительно соображал Андрей. Вокруг кухни был Космос, но разбить призрачную оболочку никак не удавалось, как ни напрягайся. Где-то там, то ли вверху, то ли внизу, спали дочь и мать, им тоже что-то снилось... «А вдруг не сон?» Эта мысль вернула ощущение реальности.

Ночь была настоящая, без обмана. Саша наслаждался подробностями чувственной любви, которые от него никто не скрывал, в то время как Андрей... «Мать может проснуться, выйти на кухню! – нехстати вспомнил он. – Выйдет, а тут по телевизору такое... Хотя фиг с ней, с порнухой. Этот придурок при посторонних не посмеет! Что не посмеет? Бред. Пьяные шутки. Ни к чему впутывать мать в чисто мужской разговор, пусть выпится, на ней и так весь дом держится...» Андрей ощупал осторожным взглядом широкую спину гостя, стянутую унылой серой тканью. Под пиджаком дремала скрытая мощь. Одноклассник. Неужели убийца? Наверняка – служба ведь у него такая, никуда не денешься. Схватить пистолет? Саша гораздо сильнее, к тому же он обучен, натаскан ведомственными инструкторами. И вообще, ему достаточно развернуться, махнуть мясистым кулаком, и ослабленная бронхитом жертва грохнется на пол. Потом он поднимет упавшее оружие, злым коротким движением вгонит обойму в рукоять, прицелится жертве в голову...

В голову? Словно выключатель щелкнет – раз, и темно. Абсолютная, космическая темнота, вакуум мыслей, ничто... А может, что-то сохранится? Темнота понесется навстречу, как в кино про «звездные войны», вокруг будут шорохи и скрипы, сзади останется линолеумный пол, а впереди... Нет, только не в голову!

«Что со мной?» – тоскливо подумал Андрей. Мир опять был призрачным, пластилиновым, искусственным. И мысли его были искусственными, сделанными. Всего этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!! «Саша сидит на кухне, дочка спит в спальне, мать – в гостиной, а где тогда я?» – беспомощно трепыхался страх в его груди. Человек расплзся по всей квартире, присутствовал одновременно в каждой комнате. Однако прочь из кухни, прочь! Кухня расплзалась вместе с ним, не выпускала его из своего кокона. Плоская картинка сплошь состояла из цветных клякс, никаких линий. Андрей тщетно фокусировал зрение, пытаясь собрать кляксы воедино. «Щелкнет выключатель – и все. Настанет утро... – Он попытался сосредоточиться. – Утро – да, настанет. Мы проснемся. Но сейчас-то, сколько сейчас времени?..»

Время не двигалось, ночь застыла в позе аиста.

Веселые нудистки на экране, прервав ненадолго гимнастику ног и задниц, цепляли мускулистому красавцу очки-пенсне... отнюдь не на нос. На другую (хи-хи!) деталь мужского тела, название которой в романах не пишут. Получившийся портрет показали крупным планом. То ли Буратино в очках, то ли старый чудак-профессор из комиксов. Срамота... «Интересно, работает милиция ночью или тоже спит?» – вяло подумал Андрей, сражаясь со звоном во лбу. Вскочить бы и набрать «02». «Дежурный, спасите!» Нет, не успеть, потому что сначала нужно включить телефон в розетку. Не для того ли Саша потребовал отсечь линию связи, чтобы у жертвы не было искушения позвать государство на помощь? И не опасался он, вероятно, никакого подслушивания... Короткометражка, созданная кинематографистами Гамбурга, завершилась, тут же уступая место следующей. Саша зашевелился, потянулся. «О, Господи, но ведь ему скоро надоест...» Конечно, надоест. Во-первых, он уже видел эту кассету, а во-вторых, торопится. Волшебная сила искусства не может бесконечно сдерживать стихию. Он поднимется с табурета, шумно вздохнув, и в глаза его вернется стеклянная пустота. Привыкший к работе палец привычно взведет курок...

СОСТОЯНИЕ накатывало и отступало. Море, волны, соленый привкус во рту. Накатывало и отступало, гонимое шквальным воображением. Разум плавал на поверхности, то окунаясь в воду, то всплывая – сотрясаемый толчками тектонических мыслей. Все мысли были с восклицательными знаками. Андрей собрал силы и прыгнул к берегу:

– У тебя неприятности, Саша?

Звук собственного голоса показался ему глухим, незнакомым.

Александр поднялся с табурета, шумно вздохнув, а в глазах его была... Нет, Андрей не смотрел ему в глаза.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты меня в чем-то подозреваешь, да?

Гость выдержал паузу, решая в уме некую задачку. Затем решительно подвинул табурет и уселся напротив собеседника.

– Сними очки, – последовала команда.

Когда снимаешь очки, беспомощность возрастает до максимальной точки. Этого ли добивался Саша или просто хотел видеть зрачки жертвы? Но, как ни странно, ощущение доведенной до абсолюта беспомощности успокоило Андрея. «Да кому я нужен! – понял он, наконец. – Полное ничтожество, вытереть об меня ноги, переступить и идти дальше, не оглядываясь...» И никакого вам унижения! О каком унижении речь? Каждой эмоции – свое время и свое место...

Он рефлекторно шурился, стараясь сделать изображение более резким. Саша повернул его голову – так, чтобы свет от лампы падал в слепые, близорукие глаза.

– Ты обо мне кому-нибудь что-нибудь говорил?

– Кому?

– Кому угодно, Андрюха. Только не делай вид, что напрягаешь память.

– Да ничего я не делаю! Я, вообще, что о тебе знаю? Ну, неприятности у тебя какие-то, так ведь ты всю жизнь про неприятности твердишь, но хрен что рассказываешь!

Саша издал горлом звук – то ли смешок, то ли всхлип. А может, просто офицерская отрыжка помешала допросу.

– Неприятности... – с отвращением передразнил он. – Ладно, замнем. А про что-нибудь другое, ну там, про Верку, например?

– Про Верку? Я твою Верку всего раз видел!

– С кем-нибудь из класса встречаешься?

– С Сергеем, с Витькой Кривулиным. Только не встречаюсь, а созваниваемся иногда. С тобой встречаюсь чаще всего.

– А на улице с кем-нибудь, случайно?

– Я по улицам мало хожу, на работу и обратно. Болею.

– Хвастался, что есть знакомый «оттуда»?

– Кому?

– На работе, соседям, родственникам, бабам.

– Я не помню. В семье о тебе, естественно, все знают, и мать, и жена... А чем тут, кстати, хвастаться?

– Л-ладно, – сквозь зубы подытожил Саша. – Можешь надеть очки.

Андрей торопливо воспользовался любезным разрешением и сквозь захватанные стекла посмотрел на одноклассника. Тот дружески стукнул его в плечо – вялым, расслабленным кулаком:

– Живи пока, – и усмехнулся. Искренне усмехнулся! Допрос закончился, причем, судя по всему, в пользу подозреваемого.

Саша ненадолго отвлекся, обратил внимание на работающее видео. Он шагнул туда-обратно, чтобы по-хозяйски обесточить плеер с телевизором, после чего сказал:

– Спасибо, Андрюха, доставил другу радость.

Вроде бы тоже искренне, хоть и с нелепым пафосом.

Оставшись без яркого пятна, отнимавшего часть мужского внимания, а также без источника посторонних звуков, кухня как-то сразу поблекла, притихла, окружила собеседников атмосферой особой доверительности, какая бывает только ночью.

– Уходишь?

– Да.

– Может, переночуешь? – предложил хозяин, вставая вслед за гостем. – Куда ты – в два часа? – предложил и ужаснулся, вообразив, что гость согласится.

Тот молча поиграл желваками на скулах.

– Нельзя мне, Андрюха. Живи спокойно, я сам управлюсь со всем этим.

– На улице, наверное, холод собачий.

– Спасибо, ты настоящий друг...

«А ведь он тоже боится!» – неожиданно сообразил Андрей. От этой догадки почему-то вновь ослабли ноги, и голову повело в стороны, к стенам. Саша боится, значит, есть чего бояться, значит, чертов пистолет действительно может быть пущен в дело каждую секунду. Против кого?.. Андрей устоял, опершись рукой о стол.

– Поесть хочешь? – спросил он, как бы вспомнив. – Тут на сковородке жареная картошка осталась... – Он напряженно надеялся, что его сочувствие и забота будут замечены, зачтены.

Саша не ответил. Потому что был занят: сосредоточенно взял свое оружие в руки, сосредоточенно вытащил из кармана магазин, поставил недостающую часть на место... Андрей, обмирая, следил за этими манипуляциями. Искоса, краем глаза. Только чтобы не привлечь к себе внимание. Несколько мгновений кошмара, и пистолет исчез под серым пиджаком – исчез!

«Что, если он все-таки придушивается? – счастливо расслабился Андрей. – Не боится он, а якобы боится и развлекает публику? Хотя зачем ему придушиваться?» Нет, наоборот, он прячет страх, корчит из себя крутого, и в глазах его не скука, не привычка, а замкнутость. Его глаза повернуты внутрь – на те неведомые картинки, которые показывает ему услужливое воображение. Или все не так? Или Андрей был не прав, перенес свой опыт страха на совершенно другого человека?

– Как супруга? – поинтересовался Саша, потягиваясь. Этаким дежурный поворот разговора, предвестник сцены прощания.

– Зоя? Нормально, в Пскове сейчас.

Одноклассник искренне удивился:

– Ее что, до сих пор нет дома?

– Чего? – тупо переспросил собеседник.

– Ну, почему до сих пор не вернулась-то?

Вот так поворот разговора, вот так смена темы! Андрей растерялся, не зная, как отвечать на нелепые вопросы. «До сих пор». При чем здесь «до сих пор»? Саша бесхитростно добавил, чтобы заполнить паузу:

– Гуляет где-то, сучка? Все они такие... – Его удивление сменилось столь же искренним сочувствием.

– Да перестань! – возмутился супруг, мгновенно забыв прочие обстоятельства сегодняшней встречи. – Она у меня не «такая», ты же ее видел. Иди ты со своими шутками!

– Да пойду, пойду... – смутился гость. – Прости, Андрюха, не мое это дело, правильно ты меня послал.

Приняв решение, он нырнул в коридорчик, свернул в прихожую, бессмысленно бормоча: «Иду, иду...», – и уже там, возле вешалки, обернувшись к семенившему сзади хозяину, возобновил разговор – громким шепотом:

– Имей в виду, я знаю про кражу.

Андрей вздрогнул, словно на колючку наскочил. Произнесенное слово было слишком острым:

– Какая к-к-к...

– Кража, кража, – подмигнул Саша. – Тс-с, только тихо. И про монету вашу знаменитую тоже знаю, отказное дело специально нашел. Помни это, если захочешь с кем-нибудь посекретничать про меня.

И пока Андрей качался, бессильно двигая губами, он снял с деревянного крючка свою широкую пуховую куртку. Он оделся, сунул руки в карманы, постоял некоторое время в нерешительности. Затем продолжил шептаться:

– Шучу, Андрюха, шучу, я тебе верю. Вообще-то, я пришел попросить кое о чем. Если со мной что-нибудь случится... – Он помолчал, наморщив лоб. – Договоримся так, если я тебе завтра не позвоню, значит, со мной, это... ну, значит, со мной – все. Понял? Ты тогда, будь другом, позвони по одному телефончику... – снова замолчал.

– Твоим родителям? – еле слышно спросил Андрей.

– Нет, не родителям и не Верке. Девушка одна есть, Марина. Я тебе, кажется, рассказывал? «Там» о ней не знают.

– Где?

– Не задавай идиотских вопросов. Позвонишь?

Андрей мелко кивнул:

– Да.

Саша расстегнулся и полез куда-то вовнутрь, под куртку. Очевидно, за авторучкой.

– У тебя есть бумажка? Я номер оставляю... – и вдруг замер. – Нет, мужики, отбой. Не будем рисковать. Все, все, все... – Он закрутил головой, прикрыв на мгновение глаза.

Вместо авторучки, Саша вытащил пистолет. Зло передернул затвор, досылая патрон. Андрей в который раз обмер, решив, что это – для него.

НЕТ, НЕ СЕЙЧАС...

Оружие благополучно скользнуло в боковой карман куртки – ага, обманули дурака!

– Будь здоров, – сурово попрощался гость и сам себе открыл дверь. Одной рукой. Вторую он прочно держал в кармане – в том, где скрывалось его «удостоверение». С лестничной площадки донеслась последняя реплика:

– А невесту послали за водкой...

3. Он

Он учился с тобой в одном классе, в одной школе. Ваша школа стала потом гимназией, но это к делу не относится. Когда вы учились, не существовало ни гимназий, ни лицеев, ни даже просто детей. Все дети были либо октябрятами, либо пионерами, либо комсомольцами – исключения если и случались, то лишь в качестве патологий, с большим риском принудительного лечения. Вы, к счастью, росли нормальными. Хотя всепроникающая атмосфера Великой Любви, любви к партии и правительству, не отвлекала вас и от собственных мелких страстишек.

Как вы ввали друг другу, когда были октябрятами! Главной темой вранья, разумеется, становились разнообразные взрослые тетеньки: мамы и старшие сестры, их подруги и соседки. «...А я вчера та-а-кое подсмотрел... А я взял и дотронулся... А я завтра вообще потрогаю!..» Вы упоительно переешептывались и сами верили, что эти поражающие воображение рассказы имели место, и слюнки капали на школьные парты. Он врал хуже тебя, поэтому глухо завидовал твоим удачам. Наверное, по той же причине он не замыкался в своем хвастовстве на женищинах, а находил нечто иное. Например, будто у его папы-врача есть специальное лекарство, от которого человек может летать и проходить сквозь стены, или будто у мамы на работе лежит этаким маленький приборчик, с помощью которого подслушивают чужие мысли. (В подобных мечтах, вероятно, уже тогда проявлялись его особые склонности.) Ты, кстати, втайне верил этим рассказам, хоть и выражал вместе со всеми свой скепсис. Он каждый день обещал принести чудесные штучки в школу, чтобы все сомневающиеся могли убедиться, но назавтра почему-то либо забывал обещанное, либо ссылаясь на объективные трудности. И общий скепсис принимал постепенно оскорбительные формы, перерастая в дружные издевательства...

А как над ним смеялись, когда вы стали пионерами! Все нормальные школьники из вашего класса постепенно прекратили врать ради интереса, только из практических соображений (поняв, что самоутверждаться лучше другими способами) – кроме твоего друга-приятеля. Поэтому класс отторгал его. Тем более, что учился он плохо, вечно изворачивался и попадал в глупейшие ситуации, вечно был каким-то неопрятным, комичным, жалким. Он старался быть гордым, но характер давал сбои. Старался быть хитрым, но опять не получалось, то ли ума не хватало, то ли возраста. Иначе говоря, с авторитетом у него было напряженно, тяжело было. Более сильные товарищи, чуть что – распускали кулаки, все прочие унижали другими доступными средствами. Пожалуй, единственным, кто принимал его всерьез, кто держал его в кругу своего постоянного общения, оставался ты.

Чем же он тебе приглянулся? Будь честен – рядом с ним нравилось чувствовать себя человеком. Хотя внешне это «опекунство» никак не проявлялось, вы были на равных. И еще, если уж честно. Ведь ты изредка тоже насмехался над ним, когда хотелось развлечься. Разве не так? Вероятно, кое-что он понимал уже в пионерском возрасте. Во всяком случае, вряд ли он сохранил о вашей дружбе только теплые воспоминания.

Вы часто и с азартом боролись – буквально. Мерялись силами, кто кого повалит. На переменках – либо где-нибудь под лестницей, либо прямо в коридоре. Как правило, побеждал ты, потому что был психологически опытнее, а он утверждал – с видом знатока, вполне серьезно, – что ты побеждаешь, потому что злой. Вряд ли он забыл и эти твои победы, вряд ли он простил их тебе. Несомненно: с какого-то момента его жизнью стал двигать инстинкт соревновательности, жгучее желание доказать – им всем. Нет, не так. Вам всем, включая тебя – не нужно иллюзий. Что доказать? Очень просто: что он тоже человек, что он скоро вырастет и вот тогда – о! – тогда вы все поймете...

Не пришло ли это время?

Однако вернемся в прошлое. Кроме увлечения «коридорной борьбой», вас продолжал интересовать (как и всех нормальных пионеров) женский вопрос. Правда, уже на новом уровне: фотографии специального содержания, купленные у старших товарищей, выдержки из литературы, героические операции по проникновению на те редкие кинофильмы, возбуждающие юную фантазию, что несли клеймо «только для взрослых». Таким образом, ваш интерес приобрел некоторый академизм. Впрочем, практика тоже не отставала, только объектами для подсматриваний и ощупываний становились теперь не какие-то там мифические взрослые женщины, а вполне доступные сверстницы. И уже без всякого вранья! Единственное, что омрачало эти игры – если компания принимала вас обоих, то тебя брали в качестве равноправного партнера, тогда как твоего «опекаемого» держали за клоуна и ни за кого больше.

Что еще? Плевались – точнее, «стреляли» из трубочек, сделанных из шариковых ручек. Причем, не комками жеваной бумаги, как все, а рисовой крупой (вероятно, опять проявились его особые склонности, скрытые до времени). Рис – настоящая пуля, далеко летит и бьет всерьез. Однажды ты попал ему в глаз, после чего он, обезумев от страха, бежал между пунктом и дамским туалетом, искал медсестру. Забыл ли он эту боль и этот страх?

Пионерские воспоминания можно продолжать до утра, пора остановиться.

С достижением комсомольского возраста ваши пути постепенно разошлись. Десять лет – огромный срок знакомства. За десять лет вы сходились и расходились, как это обычно бывает у детей и подростков, но к выпускному классу разбрелись в разные стороны окончательно. Отнюдь не в результате ссоры, а естественным образом, эволюционно. Как бы само собой. Очевидно, просто надоели друг другу, потеряли что-то общее. Ты увлекся точными науками, он ушел в спорт. Он занимался борьбой, что объяснимо, и почему-то греблей, где добился действительных успехов – кандидат в мастера спорта, участие в юношеской сборной страны, призовые места на всесоюзных соревнованиях. Другим несомненным успехом являлось то, что он сильно, просто фантастически раздался в плечах.

В конце концов, ты обнаружил, что твой бывший друг сильно изменился и внутренне. Первое ощущение было такое: «Поумнел». На самом деле, он никогда и не был глупым, так что умнеть в привычном смысле слова ему не требовалось, ему требовалось возмужать. Что он и сделал. Линия его поведения резко изменилась: немногословие, суровость, неулыбчивость. Ясно, что это была всего лишь маска, но очень удачно найденная маска, единственно верная. Спорт дал ему силу, а сила дала уверенность в себе, все просто.

Казалось бы, после школы вы должны были распрощаться навсегда...

4. Ты и ночь

Заснуть Андрей так и не смог.

Несмотря на то, что принял седуксен. Транквилизатор прогнал из груди эту поганую дрожь, снизил артериальное давление до приемлемых цифр, иначе говоря, помог вегетативной нервной системе справиться со стрессом. Однако обещанное в аннотации к лекарству «анксиолитическое действие», т. е. способность подавлять тревогу, почему-то запаздывало. Очевидно потому, что воспоминания были сильнее лекарств. Воспоминания хозяйничали в голове, как женщины в тесной коммунальной кухне, не уступая друг другу ни дюйма – а мест на всех явно не хватало. Те, что были поновее, вытесняли прочий хлам наружу, в черный вакуум спальни. Конечно, зачем копаться в прахе давно умершего детства, зачем рассматривать блеклые старомодные открытки? Теперь, когда советские школы по мановению волшебной палочки превратились в гимназии без октябрят и пионеров, когда видеомэгнитофон, нашпигованный порнухой, стал доступен любому из новоиспеченных «гимназистов», жизнь несколько изменилась. Но дело не в этом. Чем слюнявое прошлое могло помочь настоящему, чем могло успокоить кипящий мозг? Разве только тем, что прикрыть на секунду заволаживающий огонь состоявшихся час назад дружеских посиделок? Унять жар, остудить страх пережитого, отвлечь память от навязчивого сюжета...

Нет, бесполезно. Остужать что-либо – бесполезно. Страх постепенно трансформируется в стыд, ничуть не менее жгучий. И вообще, плохо Андрею, температура скакнула, а ведь была нормальной, ведь на поправку дело шло, так за что же ему все это? Никак не заснуть! Несмотря даже на то, что навалившаяся на организм вялость сделала руки и ноги неподъемным грузом, несмотря даже на то, что свинцовой тяжести голова продавila постель чуть ли не до пола.

Андрей встал. Оказалось, он все еще способен стоять. Он дошаркал до кухни, преодолевая головокружение, имея целью попить чаю, но воспоминания прокрались за ним следом, и тогда он сказал им: брысь! Хватит соплей! Сейчас нужны ответы – ясные конкретные ответы на четко сформулированные вопросы. Логика и порядок в мыслях. Анализ и синтез. Дедукция плюс индукция... Андрей поставил чайник на газ.

«Итак, зачем Саша вломился в спящую квартиру?» – четко сформулировал он вопрос, чтобы начать. Этот вопрос он ставил перед собой с интервалом в пять минут в течении всего минувшего часа. И каждый раз, вместо ответа, разум рождал картинки: пистолет лежит на столе, пистолет выщелкивает патрон из ствола, пистолет появляется из широкого кармана куртки... Однако возобновлять размышления с чего-то надо, и он начал с этого. Затем продолжил серию вопросов, решившись, наконец, на самый главный: неужели Саша приходил, чтобы убить?

Он принялся медленно, нарочно неторопливо готовить бутерброд – с копченым сыром, вытащенным из холодильника, с импортным маргарином, имитирующим масло, – лишь бы отвлечься. Он решил что-нибудь съесть, прежде чем принять жаропонижающее. Не стоило глотать аспирин на пустой желудок. Желудок – это полюс мироздания, с ним поосторожнее надо. Есть и второй полюс мироздания – половые железы. Увы, для большинства людей какой-либо из полюсов становится центром – вот прекрасная тема для размышлений. Однако отвлечься не удалось. Подробности недавнего визита уже ворвались на охраняемую территорию, уже весело скакали в голове, не считаясь с правом частной собственности.

Теорема доказывалась легко. Друг Саша предъявил пистолет еще в коридоре, едва вошел – раз. Напился, чтобы легче было совершить задуманное, чтобы подавить жалость и стыд – два. Заставил вымыть бутылку, не желал оставлять следов своего присутствия – три. Правда, его видела полусонная мать, но ведь это не проблема для нетрезвого бойца с пистолетом в кулаке!

Итоговая формулировка теоремы складывалась с очевидностью, достойной математического справочника, заставляя ослабленную болезнью душу снова и снова содрогаться...

«Стоп, стоп, стоп! – приказал себе Андрей. – А что, собственно, с тобой произошло? Почему ты испугался, каких слов или действий? Все случившееся было слишком иррациональным, чтобы терять из-за этого остатки гордости. То ли так понимай, то ли этак. Кто поможет разобраться? Сашу, что ли, пригласить в гости – ха, ха! – поведать ему о своих проблемах?.. – Андрей непроизвольно улыбнулся и расправил плечи. – Грустная получилась шутка, но – шутка. Рано сходить с ума, господи, рано: пока я жив, как говорят англичане, здравый смысл со мной».

Он выключил газ, снял чайник с плиты и сделал себе чай.

В самом деле, какой мотив мог быть у Саши для убийства своего товарища по детским играм? Месть – непонятно за что? Посчитал Андрея предателем, который тайно помогал врагам? Тогда это недоразумение должно быстро и безболезненно разъясниться. Или его привело желание убрать свидетеля? Опять же – свидетеля чего? Ошибка!

Кстати, действительно ли у Саши неприятности? Может, он придумал себе свой страх, заразив этим вирусом бывшего одноклассника, может, он убегает от того, чего в реальности не существует? Тогда вообще нечего было психовать. Ну, съехал человек с катушек... Впрочем, наоборот, в этом случае опасность возрастала многократно. Параноик, у которого под мышкой в кобуре болтается... даже не под мышкой, а в кармане, с досланным патроном... Нет, знаете ли, лучше пусть будут неприятности! Что-нибудь простое и понятное, вроде порочащих связей с украинской разведкой. Пусть главной версией происшедшего останется недоразумение, ошибка...

«Что я знаю о нем? – задался Андрей новым вопросом, вытягивая логическую цепочку звено за звеном. – Что я, в принципе, мог бы про параноика Сашу разболтать его великим и ужасным врагам?»

Вопрос вернул воспоминания...

...Казалось бы, после школы они должны были распрощаться навсегда. Один поступил в Политехнический институт, на физико-математический факультет, другой – в Военно-медицинскую академию. Поступить в престижный медицинский ВУЗ Саше помогли не только спорт и характеристика из военкомата, но и связи его родителей-врачей. Учились оба нормально, без падений и без взлетов. Как ни странно, Саша не был среди отстающих, становился врачом наравне со всеми, хоть в школе, мягко говоря, и не отличался тягой к знаниям. Честно работал, не злоупотребляя своим положением местной спортивной звезды. Детский невротический комплекс «быть не хуже других» тащил его по жизни, как катер водного лыжника. Что касается гребли, то Саша вообще вскоре бросил ею заниматься – радикулит замучил, по научному «остеохондроз», профессиональное заболевание всех гребцов. Он мудро решил плюнуть на подачки спорткомитета, зато сберечь позвоночник. И добрался, в конце концов, до интернатуры.

Ему благополучно удалось избежать распределения на авианесущий корабль с ядерным реактором на борту, мало того, папины связи сулили ему богатые перспективы – остаться на кафедре, поступить в аспирантуру, и катиться по накатанному желобу скромных советских карьеристов, тем более, в партию он уже успел вступить. Однако случилось нечто непредвиденное. Непредвиденное прежде всего для родителей будущего доцента или профессора, точнее, для его матери. С матерью, кстати, у Саши всегда были несколько странные отношения (примерно, как и у Андрея), которые со временем осложнялись и осложнялись, поскольку оба они, и мать, и сын, были несколько странными людьми. Итак, сын врачей решил с получением диплома и звания завершить на этом свою военно-медицинскую карьеру. Его нашли и ему предложили – словно точно знали, что он согласится. Он согласился. Конечно, в те годы мало

кто отказался бы от столь заманчивого предложения, исходящего от столь могущественного ведомства, но ведь в данном случае на другой чаше весов лежала аспирантура...

Откуда Андрей знал все эти подробности? Очень просто: не смогли бывшие друзья расстаться навсегда, не дала им Судьба такой возможности. Во-первых, квартиры родителей располагались в одном районе, который тогда назывался Октябрьским (самый центр, романтика трущоб), во-вторых, вели свободный образ жизни, не связанный необходимостью целый день торчать на работе (все-таки студенты) и, в-третьих, любой из их возможных маршрутов вел через один и тот же транспортный узел (большая красивая площадь с красивым старинным названием). Волей-неволей, но они регулярно сталкивались на улицах – до смешного доходило, будто заранее договаривались о встречах. Встречались – и разговаривали, обменивались последними новостями, хвастались редкими успехами. Вот и получилось так, что один вынужденно следил за жизненным путем другого.

Итак, Комитет Государственной Безопасности предложил выпускнику-медику карьеру в своих структурах. И тут же устроил ему проверку на искренность – насколько сильно его желание приобщиться к тайной власти. Проверка была в форме медкомиссии. И не проверка, собственно, а нормальный советский кретинизм. Один из врачей нашел, что у товарища младшего лейтенанта якобы плохие гланды. Плохие – значит, удалять. Ах, у вас за двадцать четыре года было всего две ангины? Вырезать, и никаких споров – это вам не поликлиника, молодой человек! Не хотите – так и запишем. И до свидания, вернее, прощайте навсегда... С другим врачом разговор получился куда напряженнее. В старой медицинской карточке, которую на Сашу завели еще в детской районной поликлинике (надо же, выкопали откуда-то из архива!) обнаружилось, что у будущего бойца невидимого фронта был когда-то «хронический баланопостит». Это из области урологии, чуть-чуть стыдное заболевание, хоть и самое обычное, распространенное. Говоря по-русски – воспаление головки полового члена. «Да, – согласился Саша, – имел место такой диагноз». Который быстро сошел на нет, стоило мальчику потерять девственность. А в чем проблема? А в том проблема, что необходимо немедленное лечение. Причем, в виде легкой неопасной операции. Обрезание – вот лучшее лечение. Саша возмутился: если у сексуально озабоченного пионера действительно скапливалась кое-где смегма, вызывая время от времени воспаление кое-чего, то у него, взрослого мужика, нет подобной «проблемы» давным-давно! Он попросту забыл, что такое «баланопостит» – спасибо, напомнили. Но ему объяснили: мол, сейчас забыли, а как попадете в жаркий климат, да еще в места, где нет женщин, так сразу и вспомните. Существует, мол, такая опасность, если есть предрасположенность. Не спорьте, убедитесь сами – отверстие крайней плоти несколько сужено. «А ведь вам в жарком климате работать, товарищ...» Впрочем, обрезание оказалось необязательно делать, молодого человека прекрасно понимали. Достаточно сделать подрезание, т. е. удалить уздечку крайней плоти. И вообще, ясно же было сказано – каждый вправе отказаться от предложенного лечения, но тогда комиссия, разумеется, даст отвод...

Тот, кто хоть что-нибудь понимает в медицине, поймет и комизм требований, выставленных ведомственными врачами. Веселенький выбор стоял перед Сашей: с одной стороны – широкая и надежная академическая лестница, с другой – обрезание... ах, простите, ПОДРЕЗАНИЕ...

Он рассказал Андрею эту историю в одну из случайных встреч на трамвайной остановке. Без стеснения, как в октябрятско-пионерском возрасте. Очевидно, опять стал считать бывшего одноклассника всецело своим – тем, от кого можно не ждать насмешек. Ехидное предположение по ходу рассказа: «Наверное, ты этому педика из комиссии очень понравился, если он твой срам так разглядывал», отнюдь не обидело его, наоборот, рассмешило: «Для кого срам, Андрюха, а для кого и гордость...» Что касается истории с поступлением в компетентные органы на службу, то она завершилась благополучно. Саша сделал выбор. Все-таки сработали в нем детские комплексы, всколыхнулись нереализованные детские мечты, потребовав не упу-

стить шанс. Он послушно удалил и гланды, и частичку кожи на своей обожаемой «гордости». Он сумел забраться в большую банку с доблестными советскими чекистами, которая громоздилась в начале Литейного проспекта.

Делился Саша и другими подробностями резко крутанувшейся биографии – не специально, нет, так получалось. В оговорках, в ухмылках, в паузах между разговорами о бабах. Или когда у него было скверно на душе, или когда он был нетрезв. Например, Андрей знал, что новоиспеченный лейтенант (Саше сразу присвоили лейтенанта – вероятно, за мужество, проявленное на медкомиссии), так вот, что он не поехал ни в какой «жаркий климат», отвертевшись при помощи малопонятной интриги, знал также, что он попал в отдел, который следил за непростыми членами партии (а конкретно – контролировал Смольный) и что это важное для страны дело ему понравилось, правда, наполнило его душу едким презрением ко всему святому, которое он не боялся демонстрировать. Затем Сашу уже в качестве старшего лейтенанта, бросили на какое-то другое дело – Андрей, естественно, не расспрашивал, на какое. Вполне хватало рассказов о зарплате, о спецмагазинах, о прелестях работы со «стукачами». Судя по всему, вошедшему во вкус офицеру общение со «спецконтингентом» особенно понравилось, в частности, такого рода: «...Ты ему говоришь „сволочь“, ты ему в морду харкнешь, а он тебя по имени-отчеству...» Или, например: «...Такой весь согнутый войдет, улыбающийся, мелкими шажками к столу, и блок „Мальборо“ на уголок положит – вот, Александр Витальевич, на склад вчера завезли...» Конечно, разве может не понравиться, когда тебя, сопляка, взрослые дяди (и тети! тети тоже!) по имени-отчеству называют. Когда тебя боятся – разве может это не вызвать чувство глубокого удовлетворения работой и жизнью? Так что поначалу Сашины комментарии содержали гораздо больше смешков и подмигиваний, чем мата. Лишь позже пропорции поменялись. От звания к званию, с превращением работы в службу, его мат наполнялся тяжелым, едким безразличием... Впрочем, он никогда не откровенничал всерьез, хоть и доверял слушателю. Интригующие реплики были не больше чем огрызками, семечками то ли сладких, то ли горьких яблок. Одно не вызывало сомнений: система КГБ приняла Сашу в качестве оперативника, и не больше.

Какой символ времени – из врача по образованию сделать оперативника!

Бывшие одноклассники продолжали сталкиваться на улицах ненормально часто, даже прекратив быть студентами. Потому что оба так и остались жить на свободном расписании – ходили на работу в неожиданное время, и днем, и поздним утром, и ранним вечером. Андрей был ассистентом на кафедре прикладной математики того же Политеха, переименованного честолюбивым ректоратом в Технический университет. «Ассистент» – это должность так смешно называется. Вроде лейтенанта, если считать, что заведующий кафедрой – полковник. Короче, Саша безнадежно обогнал своего товарища в служебном росте, потому что был уже майором, но это явно к делу не относится...

«А что относится к делу?» – тоскливо подумал Андрей.

Он вспоминал и одновременно ел. Два этих занятия совмещались с трудом, но не только оттого, что стыд пропитывал слюну горькой желчью. И не оттого, что хлеб, на который был уложен кусок сыра, оказался черствоватым. Сильно мешался зубной протез – десну натирает, гад, с каждым днем все сложнее и сложнее терпеть эту пытку! Халтура. А ведь как рекламировали, как советовали...

«Может, пресловутое Сашино майорство как раз и важно?» – продолжил Андрей прерванную бутербродом мысль. Похоже, именно с Киева началась его параноя, именно оттуда он привез свои «неприятности». Вместе с новым званием – внеочередным, кстати. За что ему кинули «майора»? Саша не стал ничего рассказывать, хвастаться очередной победой. Почему? Отношения между двумя одноклассниками к тому времени были абсолютно прочными, доверительными, ведь Саша нисколько не сомневался, что он окончательно и навсегда уложил

на лопатки бывшего соперника по «коридорной» борьбе, ведь роли поменялись, и отнюдь не Андрей был теперь самым умным и самым главным. Почему Саша вернулся мрачным, если не сказать, злым? И пить-то после этого начал по-особенному – регулярно, целенаправленно. Странно... А бабы его бесчисленные, сексуальная составляющая его жизни – относится ли это к делу?

Андрей отложил недоеденный кусок и принялся полоскать рот чаем. Искусственные зубы раздражали, мешали сосредоточиться. Иностранное тело. Гадость. Мало того, что натирает, так еще и прикус теперь неправильный – плохо подогнанным оказался «мост». Некий мужик из Института информатики заглянул однажды на кафедру, где Андрей обретается, рассказал кому-то – просто так, к слову, – что у него есть знакомый зубной техник, который за полцены керамические зубы вставляет. Продемонстрировал всем женщинам свою улыбку – белоснежную, ослепительную. Андрей не мог не заинтересоваться этим известием, вернее, загореться, поскольку, во-первых, давно мечтал вставить два отсутствующих верхних зуба, рядышком четвертый и пятый слева, обязательно белые, керамические, но денег вечно не было, дорогое это удовольствие – зубы. Во-вторых, в-третьих и в-четвертых – за полцены. Протезист оказался из местной районной поликлиники, строил «мосты» частным образом, обманывая таким образом государство, но только по рекомендации. Коллега из родственного учреждения дал необходимую рекомендацию. Как раз перед очередным обострением бронхита, дней десять назад, мечта оказалась реализована... Что теперь делать? Андрей потрогал ненавистный протез пальцем: еще одна проблема, пропади все пропадом. Воистину, скупой платит дважды...

Итак, Сашины бабы. Личная жизнь офицера спецслужб.

В рамках этой темы он был предельно откровенен, не упускал ни единой подробности, просто купался в лучах славы, предавая свои похождения гласности. Не беда, что слушатель был всего один, ему хватало. Он, случалось, признавался Андрею в таких вещах, которые под действием психотропных препаратов и то постыдишься рассказывать! Например, что обожает трахаться, когда у партнерши месячные – кровь его возбуждает. Или как бегал в четыре часа ночи в венерологический диспансер, обнаружив у возлюбленной подозрительную болячку. Без стеснения показывал любительские фотографии, где его дамы сердца представляли в предельно откровенных ракурсах. Преспокойно глотал трихопол – на глазах у изумленного зрителя. Вот такой вырос мальчик, лихой гусар. И смешно, и завидно, правда? Но все-таки лихость его была во многом внешней, показной. Просто детские комплексы настойчиво искали свое – и получали. На самом же деле, как всякий нормальный мужчина, он ждал от женщин не только распутство. Чистоты и преданности хотелось ему не меньше, вот в чем причина его постоянной неудовлетворенности – в проклятой раздвоенности. Саше нравились бляди, что же тут поделаешь, но едва отношения завязывались по-серьезному, как он начинал требовать от несчастных женщин, чтобы они перестали быть блядьми. Было в этом что-то мальчишеское. Наверное, он даже страдал, мучался.

Впрочем, одна постоянная женщина у него имелась, по имени Вера. Очень яркая, можно сказать, красивая. И одновременно неглупая, что на наших уровнях мироздания встречается нечасто. И беспредельно развратная – Андрею хватило десяти минут в ее обществе, чтобы понять это. Да и в рассказах Саши его возлюбленная представала личностью незаурядной в сексуальном смысле (ведь он ничего не скрывал от своего вечного зрителя-слушателя). Именно развратная, очень точное слово. Уже несколько лет тянулись отношения Саши и Веры, то они сходились, то расходились, то жениться собирались, то телесные повреждения друг другу наносили. Наверное, их отношения можно назвать «любовью». В общем, бурно жили. Эта парочка однажды была в гостях у Андрея, совершила визит вежливости – Саша захотел показать умному человеку свою возможную жену с целью спросить мнение. Андрей так и сказал: развратная – не стал уклоняться от ответа. Саша, конечно, и сам все знал про Верку. Зачем ему

понадобилось в очередной раз себя травмировать? (А может, наоборот, он хвастаться приходил – вот, мол, какую красотку я приручил!)

Жена Андрея, кстати, с Веркой тогда болтала без умолку, птички спелись, телефончиками обменялись, но так и не продолжили знакомство. Наверное, потому, что Андрей был против. И слава Богу, что не продолжили. Еще не хватало, чтобы Зоя насмотрелась и наслышалась всяких мерзостей. Незачем было подвергать правильные взгляды жены такому испытанию – вот чем руководствовался Андрей, высказывая после ухода гостей своей «ф-ф-ф!» по поводу Сашиной спутницы. Хотя если уж быть честным до конца, то Вера ему на самом деле понравилась. О, даже очень. Склонность к блядству – это ведь в некоторых ситуациях отнюдь не недостаток... В общем, хорошо в тот вечер посидели.

Позже выяснилась одна подробность – Саша признался. Покинув гостеприимный дом Андрея, им с Веркой так приспичило, так захотелось, так загорелось, будто они годик-другой воздерживались. Скорее всего, градус в голову ударил. Дойти гости смогли только до автобусной остановки, а там, найдя какой-то дворик с раздолбанной скамейкой, получили друг от друга желаемое. Разумеется, время было уже позднее, темно было в городе, а в тесном пространстве, окружавшем скамейку – просто черно (да и много времени на это не надо), однако каждую секунду кто-нибудь мог пройти мимо. «Дворик-то наш проходной», – разъяснил Андрей самодовольно ржущему Саше. Вот такая подробность.

Вот такие воспоминания...

«Почему он посчитал меня предателем? – вернулся Андрей к началу логической цепи. – О чем я мог донести на него?» Вопрос был риторическим, не требующим ответа. Ошибка, недоразумение... Впрочем, ответ пришел – в форме шутки. Можно было бы «заложить» офицера КГБ, поведав миру о том, что он продавал по молодости порножурналы, то ли взятые им с обысков, то ли действительно привезенные его друзьями из-за кордона. Да, в свое время за подобные шалости били. Но, к счастью, это время ушло давно и безвозвратно. Или рассказать Верке про загадочную «Марину», которой так дорожил любвеобильный Саша?

Андрей улыбнулся. Настроение улучшалось. Он осторожно доел бутерброд, жуя на той стороне рта, где нет зубного протеза, и родил новую версию. Предположим, неприятности действительно существуют только в Сашином воображении. И при этом он никакой не параноик, одолеваемый манией преследования. Как такое может быть? Вся разгадка в алкоголе. Стоит Саше выпить, и он сразу становится психом – временно, пока не проветрится. Есть у него это интересное свойство, никуда не денешься, случай с проходным двором и скамейкой – отличное подтверждение. Вообще, существует очень четкое деление: одни люди, как выпьют, становятся добренькими, другие – злыми и неприятными. Этот человек относится к третьим. Когда пьяный, он не злой, не добрый, а чокнутый...

Андрей принял, наконец, таблетку аспирина и встал, готовясь покинуть кухню. Его наполняло тихое удовлетворение. Вероятно, первопричина случившегося найдена, ибо последняя из сформулированных версий наиболее убедительна. И лучшее решение в сложившейся ситуации – просто не иметь с Сашей никаких контактов, если тот хоть чуть-чуть выпивший. По его голосу, кстати, легко определяется степень трезвости, так что пусть он только попробует еще позвонить...

Андрей вернулся в спальню, уверенный, что все кончилось, лег на двуспальную супружескую кровать и... Заснуть он так и не смог.

А ведь Саша угрожал, причем, осмысленно, трезво! Какую «кражу» он имел в виду? Неужели – ту? Но чем в той истории можно угрожать?! Мысль снова завертелась волчком. И Андрей завертелся, стремительно потев под пуховым одеялом. Да, была кража, так давно, что пострадавшая семья благополучно об этом забыла. В минувшем марте. Если отсчитать в обратную сторону три сезона: осень, лето, весна, то получится – ровно девять месяцев назад. Очень символично – «девять месяцев»... И монета существовала, но ведь никто этого не скрывал.

«Про монету, – говорит, – я тоже знаю...» Ну и что, все знали. Какой смысл вкладывал Саша в свой зловонный портвейный шепот? Псих, он и есть псих.

Монета хранилась у родителей, выполняя роль семейной реликвии. В каждой семье должна быть реликвия, и в этой была. Вероятно, ценная, хотя никто с ней специально не определялся. Бабуля, пока была еще жива, показывала ее какому-то специалисту из отделения нумизматики в Эрмитаже. Посторонних туда не очень-то пускают, только по пропускам, но бабуля, естественно, проникла. Без приглашения, без какой-либо самой завалящей рекомендации, прямо с улицы – сокрушительная была женщина, мир праху ее. «Бабуля» – это бабушка по папиной линии. Или иначе «Баба Уля», потому что имя носила такое забавное, как в романах – Ульяна. (По маминой линии, к сожалению, родственников не сохранилось, война и блокада над этим поработали.) Так вот, баба Уля нашла специалиста и проконсультировалась. Сказали ей немного: монета, мол, немецкая (это было и так известно), семнадцатый век, вероятно, особого выпуска, посвящена Вестфальскому мирному договору, если судить по дате «1648» и по латинской надписи «DOMINE CONSERVA NOS IN PACE», что означает «Господи, сохрани нас в мире».

Монета, мол, редкостно сохранилась, просто идеально, степень сохранности можно оценить как высшую. Термин даже такой есть – «зеркальный блеск». Никаких дефектов, значит, и, кроме того – из первой сотни отчеканенных экземпляров, которые по особенному должны блестеть. Что касается ценности данного экземпляра, то этот вопрос нуждается в специальном изучении. И вообще, – огорчили бабулю, – что-то конкретное можно сказать, только перелопатив кучи спецлитературы с целью отыскать аналоги. «Так что не оставить ли вам, милая дамочка, вашу реликвию у нас, и не извольте волноваться, все под расписку, с возвратом...»

Специалист, который тоже был дамочкой, долго семенил позади удаляющейся бабы Ули, умолял повторить ее имя и фамилию и обязательно, всенепременно придти завтра. А та была уже полностью удовлетворена. Потому что наглядно убедились: семейная реликвия действительно имеет ценность, не подделка, ВЕЩЬ. И никуда больше не пошла.

И сын ее с невесткой (то бишь родители Андрея), в свою очередь, никуда с монетой не ходили. Зачем? Лежит себе, и пусть лежит. Все равно ведь продавать не будем, поэтому ее ценность в денежном выражении знать совершенно ни к чему. А если консультироваться направо-налево, то наверняка вляпаешься в какое-нибудь дерьмо – это очевидно. Показывали диковинку гостям и знакомым, рассказывали на работе, хвастались в узком кругу дилетантов-обывателей, и достаточно. Дед (муж бабы Ули), тот вообще никогда и никому из посторонних не говорил о существовании монеты. И всему семейству строго-настрого запретил разевать на эту тему рот. Наверное, боялся, что дойдет слухок до компетентных органов, а уж «органы-то» смекнут – если хранишь дома немецкие деньги, неважно, что средневековые, значит, враг народа. Пуганый был старичок, хоть и дошел в Отечественную до Берлина. Пока он не умер, требование его выполнялось, но потом, когда не стало деда, – «оттепели» всякие пошли, «застой», ума у людей совсем не осталось. Вот и жена его верная не послушалась, потащилась в Эрмитаж консультироваться.

Собственно, монету привез дед. Из Германии, в качестве военного трофея. Рассказал, что ему один фриц подарил, которого он от смерти спас. В Глогау, небольшом таком городишке, который когда-то был крепостью. У этого фрица якобы было много разных монет, он оказался из династии знатных чеканщиков – родом из Байрейта. В его родном городе сохранился монетный двор, местная достопримечательность... Хотя кто его знает, как там на самом деле получилось. Байрейт (тьфу, не выговорить) был в западной оккупационной зоне, а Глогау – в нашей, советской. Может, «спасти от смерти» означало, что фрица просто-напросто пожалели и не застрелили? Может, вообще его не спасли, а как раз наоборот – после чего поделили добычу среди всего взвода? Так или иначе, но подарок получился со смыслом. Вестфальский мир, окончание Тридцатилетней войны – это точка отсчета, с которой началась новая Герма-

ния, это символ возрождения германского духа. Немец-чеканщик, очевидно, прекрасно понимал, что он дарил русскому солдату (если, конечно, был в тот момент жив). Вот такая красивая история. Настоящая семейная легенда, пригодная для развлечения редких гостей.

Впрочем, красота осталась в прошлом – а в настоящем – только досада. Была монета, и нет монеты. Кража.

Этой ли кражей пытался угрожать Саша? А какой еще?

Итак, в марте: кто-то вошел к родителям в квартиру, когда хозяева отсутствовали, будто знал, что никто не помешает, открыл дверь легко и свободно, будто обладал ключом, взял только монету, ничего, кроме монеты, причем, не искал ее, шаря по шкафчикам и ящичкам, а просто взял и ушел. Неужели кто-то из своих – друзей, знакомых или родственников? «Боже, какая пошлость!» – говорят в подобных случаях интеллигентные люди. Грязь.

Во всяком случае, милиция именно так и решила, что инцидент исключительно внутрисемейный. Пусть они сами друг с другом и разбираются, здраво рассудил перегруженный работой капитан из районного отделения. Фамилия оперуполномоченного, на территории которого находилась родительская квартира (Кировский район), была Кивинов – Андрей запомнил, потому что несерьезная какая-то фамилия, книжная. Так что прав был Саша, упомянув об отказном деле. Но ведь от друга Саши, кстати, тогда ничего и не скрывали! Наоборот, Андрей звонил ему, советовался, как правильно вести себя с равнодушными, ненавидящими работниками! А он, видите ли, специально нашел милицкий «отказник», параноик чокнутый. Очевидно, пьяный блеф, чисто гебешная привычка – по поводу и без повода намекать, что «нам все известно».

Кивинов, впрочем, ничего был оперуполномоченный, не похож на обычного мента – интеллигентный, вежливый. Да, его рука не дрогнула, выписывая сакраментальную фразу: «В возбуждении уголовного дела отказать», но возмущенным потерпевшим потом объяснили, что по-другому и быть не могло. Не потому, что опер плохой, опер как раз хороший, лучший на всей улице Стачек, а просто работа у них такая...

Андрей перевернул одеяло – взмокнувшей стороной вверх, сухой к телу. Аспирин действовал, и вместе с потом из тела уходила тяжесть. Воспоминания также становились легкими, воздушными, и оттого еще более своевольными, вопросы и ответы принципиально не желали упорядочиваться. Андрей с удовлетворением понял, что сейчас заснет... Когда включилась радиотрансляция, он вздрогнул. Играл гимн. На низшем уровне громкости, но в атмосфере полного отсутствия звуков это слабое мурлыканье оказалось взрывом. Шесть утра. Гадство, с вечера забыли повернуть ручку громкости до конца. Ведь почти уже спал. Скорее, а то мать проснется... Он встал, переполненный злостью.

И очень кстати пришли мысли о милиции – те, с которыми он расстался несколько мгновений назад! Почему бы не позвонить в дежурную часть и не попросить защиты от сбрендившего офицера спецслужб? Лучше не попросить, а потребовать. Лучше не звонить, а утром сходить ногами и оставить заявление. Есть же на свете хоть кусочек правды, хоть капелька здравого смысла!

Когда Андрей спешил по коридору, щелкая повсюду выключателями, он окончательно проснулся. Причем здесь милиция? Именно, что здравого смысла на свете слишком много, и большая его часть концентрируется под форменными фуражками. Да если притащиться с таким заявлением, тебе в лицо рассмеются и похвалят за отличную шутку. А если будешь настаивать, на тебя обидятся, потому что хорошая шутка – короткая шутка. Или вида не подадут, привычные к каждодневным визитам всевозможных идиотов, но взгляды у профессиональных слушателей сделаются тоскливыми-тоскливыми, стоит только завести речь, например, об ирреальном состоянии, в которое погружал тебя твой собственный страх. Зато этот чертов Саша, как узнает, что ты его «заложил» по-настоящему, снова напьется и явится в гости с пистолетом, чтобы уже не уйти просто так...

«Что-то я упускаю из виду, – подумал Андрей, обесточивая гимн. Музыкальная миниатюра, написанная композиторами Глинкой и Петровым в соавторстве, оставила спящую квартиру в покое. – Что-то я не учитываю, что-то все время забываю...»

Нет, вовсе не те гадостные намеки, которые гость позволил себе в отношении Зои. Хотя (Андрей поморщился), эта заноза тоже болит, торчит в голове постоянно. Зоя в Пскове, здесь не о чем думать – нет, не это! Что тогда? Ирреальное состояние, ТЕ ОЩУЩЕНИЯ...

Андрей побрел обратно.

«Мне просто стыдно, – сказал он себе. – Мне просто было очень плохо, мне никогда раньше не было так плохо...»

5. Между сном и явью

Суэта, не вмещаясь в прихожей, щедро плескалась по всей квартире. «Стой, не крутись! – командовала мама Андрея, она же бабушка Алисы. – Давай руку! Руку давай, а то опоздаем!» Ребенка собирали в садик, привычная сценка. Ребенок капризничал и что-то отвечал бабушке – настойчиво повторял какое-то слово. А может, фразу. Понять – вот так, с ходу, – было непросто, потому что Алиса торопилась и нервничала. Бабушка и не пыталась понять, целиком сосредоточившись на сборах, она тоже торопилась и нервничала. «Головку подними, лисенок! Посмотри, где лампочка? Ну, где лампочка?» Ага, уже надевали шапку, тесемочки завязывали. Андрей подсветил часы: ничего страшного, успевают. До садика нужно не идти, а ехать на автобусе – пять остановок. Ох, время, время! Завтрак в садике – в восемь, опаздывать нежелательно... Он прислушался и разобрал: «...Ка-яя?..» – все более отчаиваясь, спрашивала девочка. Назревали слезы, бабушка, наконец, обратила на это внимание. «Что ты хочешь, лисенок?» – «Ка-яя!» «ЯЯ – значит ЛАЛА, – машинально перевел Андрей, – букву „Л“ мы пока не говорим. КАЛАЛА – значит, СКАЗАЛА...»

– Что сказала? – с максимальным терпением уточнила бабушка. – Кто сказал? Кому?

– Папе.

– Что папе? Папа спит, не надо его будить, у него головка бо-бо.

«Еще как бо-бо!» – согласился Андрей. Всего ничего спал. Еще половина восьмого.

– Нет, папе!

– Тихонечко, у тебя все получится, – помогал ребенку ласковый голос. – Попробуй сказать по-другому, как тебя дядя Ефим учил? Только тихонечко.

Алиса шумно вздохнула, сосредотачиваясь.

– А папа жнаит?

«Знает», – мысленно поправил ее Андрей. С буквой «З» у нас тоже пока нет дружбы.

– Все ясно! – догадалась бабушка и почему-то засмеялась. – Не волнуйся, ничего папа не знает, я ему не говорила.

«Интересно, – он даже привстал на локте, – что это ей „ясно“? Тайны объявились? И здесь – тайны?»

– Только не «жнаит», а «знает», – спохватилась женщина. – З-з-з. Скажи: з-з-зна... Ну? Как будто холодная водичка течет по подбородку. З-з-зима...

– Коз-за – де-ез-за! – гордо отчеканила девочка, обойдясь без буквы «Р», р-разумеется.

Андрей, одетый в рубашку и тренировочные штаны, вышел из спальни на свет.

– Чего это я, спрашивается, не «жнаю»? – проворчал он, морщась. Голова была бо-бо, пропади оно все пропадом. Мутило, покачивало.

– Все-таки разбудили? – обернулась мать.

– Сейчас снова лягу, успокойся.

– Там пюре в ватничке тебе оставлено. Может, поешь?

– Успокойся, поем.

Мать не забыла про сына, обеспечила едой. Сын – прежде всего. Встала по будильнику. Потом поднимала внучку, стараясь не разбудить больного, а вчера вечером – укладывала ребенка спать, и так каждый день в течение всей недели. Забота о близких составляла смысл ее жизни. Но только невозможно было представить, как это – засовывать пюре в рот, глотать – нет, невозможно...

– Я спросил, что вы тут от меня скрываете?

Мать Андрея тяжело вздохнула и распрямилась. Алиса, хитро улыбаясь, посматривала на отца. Она молчала.

– За садик Зоя платила или как всегда забыла?

– Что за тайны дурацкие! – нервно сказал он. – Ты мне объяснишь, наконец, что случилось?

Женщина и ребенок переглянулись.

– Все в порядке, не волнуйся, потом расскажу. Так платили вы или нет, а то воспитательница спрашивала?

– Сама не волнуйся. Зоя приедет и разберется.

– Нашла время уезжать, – пробормотала женщина, выкатываясь из квартиры на лестницу. – Я бы ни за что мужа в таком состоянии не бросила, да еще с ребенком... – бормотала себе под нос, но так, чтобы сын слышал. – Лишь бы умотать куда-нибудь, не сидится ей в отдельной квартире... Никакой благодарности...

Прихожая опустела, но муть осталась. Андрей справился с раздражением, подступившим к горлу, ничего не сказал вдогонку. Электрическая муть – снаружи и внутри. Опять что-то со зрением? И горечь – сухая горечь во рту. Аппетит был не просто на нуле, а пожалуй, с обратным знаком. Разве что чаю... горячего чаю с сухарем. Со сладким мягким сухариком... Андрей, облизав губы, не двинулся с места. Он знал, что ему хочется больше всего, и он не стал сдерживать свое желание. Тем более, записная книжка лежала тут же, на тумбочке, и телефонный аппарат – вот тебе телефонный аппарат, не стесняйся!

Междугородний звонок получился с первого раза. Линия была свободна, автоматическая связь работала, нужный номер накрутился без сбоев.

– Здравствуйте, – послал он в ожившую телефонную трубку. – Это Оля? Это Андрей из Петербурга, муж Зои. Помните такого?.. – (Еще бы она не помнила – свидетельницей была на свадьбе, потом наезжала сюда из Пскова пару раз, в качестве дорогой гостьи!) – ...Оленька, извините, ради Бога, за ранний звонок. Я боялся, что днем вас не застану, а вашего рабочего телефона у меня нет... – (Ничего не рано! Как раз в это время она на работу и собирается, что подтверждает плохо скрываемая торопливость в ее приветливом голоске.) – ...Не могли бы вы зайти к моим, сказать там Зое, что я сильно заболел. Нет, ничего опасного, просто мне обязательно нужно с женой поговорить. Зоя сейчас у матери. Пусть она сама мне позвонит или пусть через вас передаст, если вдруг прямо сегодня уезжает обратно... – (У тещи нет телефона, вот в чем проблема. Вечная проблема. За столько лет не могла поставить!) – ...Спасибо, Оленька, извините за беспокойство...

Короткий получился разговор, но стыда прибавил изрядно. «Что за ревность идиотская? – удивился себе Андрей, перемещаясь из прихожей в кухню. – У тещи нет телефона... Конечно, очень удобно, когда телефона нет. Кому проблема, а кому – возможность скрыться от семейных забот на целую неделю... Фу, что за гадость лезет в голову? Однако теперь остается только ждать, дело сделано, дело сделано, дело сделано... Бо-бо...»

Пусть жена побесится часок-другой, когда, вернувшись из Пскова, увидит свекровь! Сказать-то всё равно ничего не посмеет. Главное – что? Ребёнок утром собран и отправлен в садик, вечером приведён обратно, накормлен, уложен в кроватку. Да и сам папа окружён неистовой заботой. Горчичники, ингаляции, витамины. Полноценные обеды. Целебное безделье, телевизор днём, вечером и ночью. Утром – спать, спать и спать. Отсутствие свободы воли – это ведь очень удобно, потому что за тебя не только решают, но и делают. Отхаркивающая трава, горячие ванны для рук, горячие обёртывания, причём, всё сразу. «Папина мама»...

Чайник был горячий, прекрасно. Заварка была свежая, опять же мать постаралась. Аппетит несмело выглянул из норки в поисках пакета с сухарями.

«Криминальные новости,» – объявило радио, которое, как выяснилось, опять работало. Очевидно, мать включила, чтобы картошка веселее в пюре превращалась. Ладно, пусть новости будут криминальные, лишь бы подальше отсюда – по радио. – ...Маньяк пока не пойман, очередная жертва найдена в одном из туалетов гостиницы «Октябрьская»... – Понятно, опять маньяк. Опять туалет. Скучно. Вот переименовали бы «Октябрьскую» в «Августовскую», было

бы куда веселее. Или лучше в «Августейшую» – только для проживания особо приближенных к Его Президентскому Величеству господ и для членов их семей... – ...Жертвой маньяка-насильника стала пятидесятитрехлетняя уборщица, работавшая в ресторане гостиницы. Напоминаем, что предыдущие жертвы также были далеко не молодыми женщинами: хореограф Вагановского училища пятидесяти шести лет, секретарь Союза дизайнеров пятидесяти восьми лет, гардеробщица районной поликлиники пятидесяти одного года. Особо выделяется в этом ряду семидесятидвухлетняя домохозяйка-пенсионерка, изнасилованная и убитая на собственной лестничной площадке... – «Да уж, псих какой-то, – согласился Андрей, замачивая первый, самый вкусный сухарик в сладком чае. – Про психов, оказывается, не всегда скучно. И что за любитель старушек такой нашелся?» – ...Известны приметы преступника: мужчина лет тридцати-сорока, крупного телосложения, широкоплечий, спортивного вида. Короткая стрижка, походка вразвалку. Особых примет нет...

«Под такие приметы любой подойдет, – усмехнулся Андрей. – Вот, хотя бы, Саша...»

Криминальные радио-новости воспринимались почему-то не всерьез, поднимали настроение. Это вам не по телевизору расчлененные тела рассматривать. Интересно, рассчитывали ли на такую реакцию журналисты? Зато опять все испортил зубной протез. Кушать и получать удовольствие было не то чтобы невозможно, но как-то ненужно, неуместно. Рекомендация, называется. Керамическое чудо, последнее достижение зубопротезного дела. Бюгель на крючочках. Голливудский шик, ослепительная улыбка кинозвезд... Позорище. Проснувшийся было аппетит уполз отдыхать, мутная гадость вернулась в мозг. Теперь снова придется идти к зубному технику, ругаться, требовать оплаченного качества. Сам виноват! За полцены – оно и есть за полцены, получите... Впрочем, этот дядька говорил, что если возникнут какие-то проблемы – милости просим, сразу к нему. Он как бы «на примерку» изделие поставил, «на подгонку». Андрей не придавал значения такой возможности, внутренне уверился, что эпопея с зубами кончилась, что «дело сделано». Ну что ж, надо идти, значит, пойдем. Успеть бы поправиться, пока с голоду не умер...

Андрей продолжал сидеть на кухне, когда вернулась мать.

Он подхватился: что случилось, почему так быстро? Варианты, один другого ужаснее, пронеслись вместе с ним по коридорчику.

– Ты еще не лег? – неприветливо спросила она, стаскивая с ног сапоги. – Мне спать не дал, и сам все колобродит, колобродит...

– Что случилось?

Сапоги она стаскивала с яростным, неконтролируемым раздражением. Сзади нее неподвижно стоял отец Андрея – любимый «дедушка Слава». Отец был хмурый, темный, какой-то странный – едва кивнул сыну, ничего не сказав и не спросив.

– Где Алиса? – рявкнул Андрей.

Мать швырнула сапоги под вешалку:

– Поори тут нам... В садике Алиса, где ж еще? – Она обернулась на мгновение к своему мужу. – Раздевайся ты, чаю хоть попей.

Резкими движениями он принялся стаскивать с себя куртку – так же молча, с немим вызовом.

– Ответить нельзя по-человечески, что ли? – попытался обидеться Андрей.

Мать агрессивно крутанулась в обратном направлении:

– Да потому что надоело! Зойка твоя мотается неизвестно где, неизвестно зачем, а я должна, это... – Она спрятала глаза. – И главное, никакой благодарности... – Она уже остывала, говорила по инерции, но теперь вспыхнул Андрей.

Он вспыхнул тихо, никто этого не заметил. Он вошел в спальню и лег, забрался под одеяло прямо в рубашке и в штанах. Итак, родители почему-то в сборе. Полный комплект. Поссо-

рились они, что ли? У них – свои тайны; у всех – свои тайны, один я прямой и прозрачный, как градусник...

– Температура есть?

Мать остановилась на пороге, примирительно вздыхая.

– Не знаю, – мертво ответил ей Андрей. – Будем считать, что нет.

– А браслет почему снял? Не помогает?

Упомянутая вещица лежала на тумбочке – там, где недавно был видеоманитофон.

– Мне нужен другой браслет, на горло. И болтами его закрутить потуже. Лучшее средство от кашля.

Мать все вздыхала, не зная, улыбнуться ей или броситься утешать сына.

На самом деле Андрей просто забыл вернуть браслет на руку, когда переодевался перед сном. Вера в нетрадиционные средства, способные восстановить здоровье, пока еще жила в нем, как бы он ни кривлялся перед матерью. А во что иное оставалось ему верить? Новейший препарат из плаценты, зашитый в собственное брюхо, или, скажем, магический браслет на запястье – ведь это хоть какой-то шанс выкарабкаться, когда таблетки и уколы уже не действуют.

Не магический, конечно, нет. Все по науке. Андрей купил этот чудо-прибор недавно – в тот день, когда ездил подшивать капсулы. Совместил два дела. И вышло так же недорого, просто смешотворные деньги отдал. Опять помогла добрая участковая врачиха, дай ей Бог здоровья. Она позвонила очередному своему знакомому, попросила, чтобы изделие продали по отпускной цене, как сами брали. Называется «Инъ-Ян корректор», мощное лечебное средство. А внутри, говорят, батарейка есть, как у электронных часов... Удивительной души человек она, этот ангел из поликлиники. Возможно, ей нужно кого-нибудь ко вступительным экзаменам натаскать – с душой и «без наценки»? Или кому-то хочется парочку сессий проскочить малой кровью? Так ведь никто не против! Организовать это элементарно – только намекни! Надо будет узнать, есть ли у врачихи брат (муж? сын?), а то взять и спросить напрямик...

– Короче, я совершенно здоров, – подытожил он, отворачиваясь к стене. – Антибиотики все равно больше пить не буду, лучше так подохну.

Отец, сняв верхнюю одежду, шумно прошаркал мимо комнаты на кухню. Женщина мельком глянула ему вслед.

– Не говори ерунду, Андрюша. Спать тебе надо побольше, сон – лучшее лекарство... – Она еще повздыхала, наполняясь привычной жалостью к больному. – А мы, знаешь, с папой сегодня решили...

«Они с папой решили». Наконец-то соизволила объясниться по-человечески. Тем более, ничего особенного в их секретах не оказалось: еще вчера они договорились поехать сегодня по магазинам, поискать, посмотреть, сравнить – где и по чем унитазы продаются. В той, в старой квартире сантехника совсем разваливаться начала, а унитаз попросту треснул. Вчера, кстати, треснул, в годовщину смерти бабули Ули, после чего родители и наметили сегодняшнюю поездку. Андрею мать ничего не сообщила о своих планах, к слову не пришлось – как-то не сообщилось и все тут. Короче, выкатил отец с утра пораньше семейную машину («Волга», самый обычный ГАЗ-24), чтобы поскорее отделаться, а то у него работодатели хоть и не вредные, но строгие. Приехал он сюда очень вовремя – подобрал бабушку с внучкой прямо на автобусной остановке, повезло. Вмиг домчались туда и обратно...

– Из садика Алису вы заберете, или мне ехать? – уточнил Андрей на всякий случай.

– Куда тебе – на мороз?! – возмутилась мать. – Сиди дома, нечего шастать. Температуру померяй... – Она ненадолго затихла, словно прислушалась, что там на кухне муж делает, словно воздух накапливала для следующей реплики. – В садике, Андрюша, ЧП случилось. Не знаю, даже, как тебе и сказать...

– Что такое?

– Спецзанятие сегодня, конечно, отменили, потому что Шлема не приедет. Будет обычный логопед, садиковский.

Андрей огорчился:

– Почему не приедет? Заболел, что ли?

– Если бы заболел, Андрюша! Обокрали человека, подонки. Ну, какие ведь подонки, ничего святого для них нет...

Обокрали? Как это – обокрали?! Андрей рывком сел: что за новости! Криминальные новости... Да, подтвердила мать, именно обчистили, воспитатели и нянечки только об этом и говорят. «Хозяин, – говорят, – весь черный стал после субботы...» В субботу это случилось, позавчера. Как раз родители своих детей в поликлинику к Шлеме привезли: он с детишками занимался в то самое время, когда всякие подонки... Какой стыд! Кто-то из садика к нему вчера ездил, чтобы сочувствие выказать и заодно помощь предложить, кажется, старший логопед с методистом. Он взял и швырнул батоном в бедных женщин – во, как переживает. А что же у него все-таки украли, никто в результате не знает – то ли из квартиры что вынесли, то ли с дачи, то ли машину угнали.

– Да это и неважно, Андрюша, правда? Лишь бы занятия скорей возобновил, Алиса ведь его очень любит...

– Светлана! – крикнул отец. – Долго ты будешь там валандаться? У меня времени в обрез, ты же сама знаешь!

История закончилась на полуслове. Впрочем, рассказчица успела вывалить слушателю все остренькое, что принесла из детского сада, и далее наверняка пошли бы сплошные повторения.

– Вр-емени у него мало, – с неожиданной злобой прошипела мать, круто меняясь в лице. Уперла руки в боки и так покатила на зов – словно желая раздвинуть локтями стены.

Андрей остался сидеть – наедине с огромным, не вмещающимся в голове словом. «Обокрали...» Рядом выросло другое слово, набухло тугим резиновым пузырем. Если «обокрали», значит, была «кража» – гениальное, достойное этой ночи умозаключение! О какой такой «краже» шептал пьяный друг Саша? Шептал трезвым голосом, с трезвой ухмылкой на пухлых устах. Совпадение? Шантаж? Идиотская шутка?.. Андрей остался сидеть, не последовав за матерью, еще и потому, что на кухне сразу начался какой-то нервный, излишне громкий разговор, с очевидной перспективой превратиться в утомительный утренний скандал. Прислушиваться было незачем. Дети малые – как поссорились, так и помирятся, известное дело.

«Дети малые...» – запрыгало в висках. Пока добрый доктор Шлема (как ласково называли его в семье Андрея) работал с группой больных детей, кто-то недобрый работал с его личной собственностью. Боже, какая пошлость. «Шлемой» этого человека называли, судя по всему, в большинстве зависимых от него семей, и вообще – в большинстве связанных с ним коллективов. За глаза, конечно. И вовсе не потому, что хотели таким образом выразить к нему неуважение или подчеркнуть его национальность. Просто он был Шлемой, и все тут. От рождения. Впрочем, сотрудники логопедического садика, который посещала Алиса, использовали другой позывной: Хозяин или даже Босс – опять же за глаза. На самом деле, этого человека звали Ефим Маркович. И личной собственности, с которой можно «поработать», у него наверняка было достаточно – как у всякого талантливого человека, сумевшего максимально себя реализовать.

Член городской логопедической комиссии, доктор психологии и еще чего-то там, доцент кафедры олигофренопедагогики, дефектологический факультет Педагогического университета... Обидно за него.

Талантлив, ибо реально помогал людям. Никто, кроме него, не мог вывести неразговаривающего ребенка-алалика на уровень общеобразовательной школы, причем, всего за несколько лет – да, был в его практике такой уникальный случай. Никто, кроме него, не брался за детей,

страдающих одновременно тяжелыми речевыми расстройствами и аутизмом (другие, может, и брались, но результаты смешно сравнивать). Уникальная работа требует соответствующей оплаты, оспаривать эту истину еще смешнее, поэтому от родителей спасенных детей шла в его сторону неоскудевающая река благодарности. Впрочем, он был свободным художником, который ни от кого не зависит и никому ничего не должен. Кроме того, он был в городе и в стране один такой. В единственном числе, это же надо понимать! Родители понимали. Прощали его причудливые манеры и оглушающее высокомерие, потому что с детьми он становился другим. Мало того, он мог взять к себе в группу ребенка из нищей семьи, и даже без всякой оплаты, лишь бы самому было интересно. Тогда как с богатыми родителями Ефим Маркович разговаривал подолгу и без детей – за закрытыми дверями. Все понятно? Ему было чуть за пятьдесят – возраст, когда мастерство давно стабилизировалось в высшей точке, а признание уже не очень-то и нужно. Возраст истины. Ефим Маркович знал истину, однако не торопился делиться ею с коллегами – очевидно, за это его и боготворили дамочки курируемого им детского сада. В их глазах он представлял истинным чудотворцем. Впрочем, чтобы научить чуду других людей, требовалось отделить опыт этого уникального специалиста от его личности, что было совершенно невозможно. Как известно, алалия есть тяжелейшее речевое расстройство, которое поддается коррективке с огромным трудом, обычные методы здесь работают плохо. Методов попросту нет, только импровизация, творчество, вечный поиск. Так вот, логопед Шлема, помимо педагогического образования, имел еще одно. Основной, точнее, первой его специальностью была детская психиатрия, кроме того, он долгое время практиковал в качестве невропатолога. Из этого удивительного сплава профессий, вероятно, и был выкован талант столь редкой пробы... Что добавить? Человек любил свою семью, своих взрослых детей, которым обеспечивал спокойную творческую жизнь – что ж тут плохого? И вот человека обокрали...

Когда-нибудь это должно было случиться, подумал Андрей. Время такое, страна такая. А может, подобная неприятность со Шлемой уже случалась в прошлом, только мы ничего не знаем? Короче, за благополучие его взрослых детей не стоит беспокоиться. Гораздо весомее звучит вопрос о маленьких детях (права была мать!). Когда возобновятся занятия? Не изменятся ли условия оплаты?

С оплатой, конечно, проблема возникнет непременно. По крайней мере, у родителей вроде Андрея и Зои, у нищих родителей. Остается надеяться, что Босса «нагрели» не очень сильно, в пределах его банковских накоплений. Так или иначе, но физически он не пострадал, судя по эпизоду с метанием батона – хоть это утешает. Может, все останется по-прежнему?.. Как Зоя радовалась, когда удалось узнать про педагога, который обучает детей с наиболее тяжелыми дефектами речи, причем, дает полную гарантию, если берется! Как она пробивалась именно в этот логопедический садик, слывший самым лучшим среди специализированных дошкольных учреждений, именно в эту группу, которую Ефим Маркович выбрал для своих экспериментов. Полгода нервотрепки, хождения по комиссиям и унижения перед всевозможными пупами земли, полгода штормовой жизни. Пока, наконец, сам Шлема не помог. Хозяйского слова хватило, чтобы ребенка устроили в Его садик, в Его группу. Он вел там занятия один раз в неделю – на общественных началах, без денег. Те, кто сумел с ним договориться, дополнительно возили своих детей в поликлинику, где он арендовал логопедический кабинет – к черту на куличики, в районе Комендантского проспекта. Поликлиника была из современных, отлично оснащена, и логопедический кабинет в ней был превосходен – просторный, чтобы играть с детьми в подвижные игры, несколько зеркал на каждой стене, огромный ковер на полу. Большое количество игрушек, кстати, закупил лично Ефим Маркович. Эти дополнительные занятия проходили по субботам и являлись по сути настоящими, главными, если сравнивать с теми, что он проводил в садике. Сначала фронтальные (группа целиком), затем подгрупповые, по 3 человека (остальные дети в этот момент играли), затем – индивидуально, с каждым ребенком... Зоя сумела договориться. Заинтересовала чудо-логопеда возможностями

собственного таланта. А талант у нее был, как бы иначе она поступила в Театральный, на художественно-постановочное отделение, приехав из Пскова? Да и чем еще сразила бы столичного жениха Андрея? Короче, появился в классе у Шлемы, наравне с другими игрушками, комплект очень тщательно сделанных кукол с богатой мимикой и оригинальной механикой – Зоя постаралась, ведь она была мастером своего дела. Не зря получила такую редкую специальность, как художник-постановщик кукольного театра. Куклы органично вписались в сценарий занятий, помогая ставить детям артикуляцию. И девочка Алиса вписалась в эти занятия. Неизбежная, казалось бы, перспектива «речевой школы», то бишь попадания Алисы в спецшколу для детей с дефектами развития речи, начала отступать. Ночные слезы жены наконец-то высохли... «Хоть где-то пригодилась ее специальность, – усмехнулся Андрей. – Ее никому не нужно „Постановочное отделение“. Но, между прочим, такие куклы бешенных денег стоят, пожелай их кто-нибудь заказать, так что с капризным педагогом расчет получается. Тем более, мы, прикладные математики, тоже не сидели сложа руки. Пяток каких-то оболтусов, в свое время присланных неугомонным Шлемой, „Основам информатики“ натаскали – за бесплатно, разумеется, даже без „спасибо“...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.